

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языкознания РАН
Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям
Институт востоковедения РАН
Ассоциация российских социолингвистов

ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,

посвященной 300-летию Российской академии
наук и 100-летию проф. Л.Б. Никольского

(Москва, 5-6 декабря 2024)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Linguistics of RAS
Research Center on Ethnic and Language Relations
Institute of Oriental Studies of RAS
Association of Russian sociolinguists

LANGUAGE AND IDEOLOGY IN POLYETHNIC COUNTRIES OF THE WORLD

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences
and 100th anniversary of Prof. Leonid B. Nikolsky

(Moscow, 5-6 December 2024)

УДК 811.15 (08)
ББК 81.2
Я 41

Редакционная коллегия: А.Н. Биткеева, Э.В. Хилханова, М.Я. Орешкина, М.А. Горячева

Язык и идеология в полиэтничных странах мира: Материалы Международной научной конференции (Москва, 5-6 декабря 2024 г.) / Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН. — Москва, 2024. — 99 с.

В сборнике представлены тезисы выступлений участников Международной научной конференции «Язык и идеология в полиэтничных странах мира», посвященной 300-летию Российской академии наук и 100-летию проф. Л.Б. Никольского.

В тезисах затрагиваются теоретико-методологические и практические аспекты взаимосвязи и взаимовлияния языка и идеологии, идеологическая подоплека языкового строительства и социальных, дискурсивных и языковых практик в разные периоды истории России и других стран. Осмыслению подвергается и наследие Л.Б. Никольского в свете современных подходов к изучению языка и общества.

Издание рассчитано на филологов, историков, социологов и широкий круг читателей.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конференция посвящена исследованию феномена идеологии и ее диалектической связи с социальными, дискурсивными и лингвистическими практиками. Этот неоднозначный феномен рассмотрен авторами сборника с разных сторон: теоретической, (меж)дисциплинарной, концептуально-терминологической; ряд работ освещает особенности функционирования идеологии в различных социокультурных и временных контекстах. Особое внимание уделено артикуляции идеологии в реалиях современных полиэтничных стран.

В сборнике материалов конференции представленные участниками тезисы выступлений распределены по рубрикам, соответствующим основным направлениям конференции: «Наследие Л.Б. Никольского в свете современных подходов к изучению языка и общества», «Концепция и методология исследования взаимосвязи языка и идеологии», «Язык в политике и идеологии России и зарубежных стран», «Идеология в социальных, дискурсивных и языковых практиках», «Языковое строительство в России и мире: история и современность». В рамках конференции предусмотрена работа секций по указанной проблематике, а также круглый стол «Языковые идеологии и городская идентичность северного города» и лекция Генерального секретаря CIPL проф. Камиля Хаманса «The tension between standardization and rights for minority languages».

В издание вошли тезисы 50 участников из 8 стран мира, в том числе из 14 регионов и 16 городов Российской Федерации.

Мы надеемся, что научная рефлексия на данную тему будет способствовать более глубокому пониманию сложнейшей темы взаимосвязи языка и идеологии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Содержание	4
НАСЛЕДИЕ Л. Б. НИКОЛЬСКОГО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА И ОБЩЕСТВА	8
<i>В.М. Алпатов</i> (Москва, Россия) Л. Б. Никольский и социоллингвистика	8
<i>В.Ю. Михальченко</i> (Москва, Россия) Языковая идеология в полиэтничном государстве: Российская Федерация	9
<i>Н.М. Мухарьямов</i> (Казань, Россия) «Языковой суверенитет» как идеологема	10
КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И ИДЕОЛОГИИ	13
<i>М.А. Марусенко, Н.М. Марусенко</i> (Санкт-Петербург, Россия) Языковые идеологии эпохи постмодерна	13
<i>Л.В. Разумова, Н. Кряжева</i> (Москва, Россия; Клермон-Ферран, Франция) У истоков идеологии: междисциплинарность и педагогическая направленность	15
<i>М.В. Орешкина</i> (Москва, Россия) Язык и идеология: новые тенденции в российском законодательстве о русском языке и языках народов России	16
<i>К.Ю. Замятин</i> (Москва, Россия) Вызовы политической легитимации, нормативно-правового и концептуального обоснования языковой политики	18
<i>Ю.В. Дорофеев</i> (Симферополь, Россия) О категориальном аппарате социоллингвистики	19
<i>А.В. Бабук</i> (Минск, Республика Беларусь) Фейки в интернете и их выявление: языковой аспект	22
<i>В.Г. Раднаев, Д.Ш. Харанутова</i> (Улан-Удэ, Россия) Перспективы медиапотребления на бурятском языке в рамках языковой политики Республики Бурятия	24
ЯЗЫК В ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	27
<i>Г.О. Сыздыкова, М.К. Ахметова</i> (Астана, Казахстан) Факторы, формирующие национальные ценности в полиэтничном пространстве Казахстана	27

М.М. Раевская (Москва, Россия)

Языковая идеология испаноязычного социума: современное политическое и социальное измерение..... 29

С.В. Кухаренко (Благовещенск, Россия)

Влияние идеологии на изучение иностранных языков в КНДР..... 30

А.В. Оробий (Благовещенск, Россия)

КНДР: медиапортрет для русскоговорящей аудитории..... 33

А. Бражович (Вена, Австрия)

Traces of Russian heritage in Serbian literacy and culture – Russian schools and Russian Church Slavonic language among Serbs in southern Hungary in the 18th century..... 35

Ананд Раджа (Праяградж, Индия)

The celebration of Hindu nationalism as overcoat..... 36

Аджай Малик (Аджмер, Индия)

Language Ideologies and the Marginalization of Haryanvi in Haryana: A Sociolinguistic Perspective 38

Олюрин Кехинде Элиджа (Тюмень, Россия)

Influence of mother tongue on Nigerian English 41

ИДЕОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ, ДИСКУРСИВНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИКАХ

.....44

Е.Г. Малышева (Омск, Россия)

Новые дискурсивные пропагандистские практики: современные медиаформаты, базовые коммуникативные интенции, содержательные доминанты (на материале программы «Москва. Кремль. Путин») 44

Э.В. Хилханова (Москва, Россия)

Языки в обыденном сознании: топосы, идеологии, стереотипы 46

О.А. Казакевич (Москва, Россия)

Языковые идеологии носителей исчезающих языков Сибири и Дальнего Востока 48

У.В. Смирнова (Москва, Россия)

Языковые конфликты в полиэтничном государстве..... 49

М.В. Куцаева (Москва, Россия)

Языковые идеологии и языковые установки: к вопросу о функционировании марийских идиомов в старых и новых диаспорах 52

Б.Ж. Цыбденова (Улан-Удэ, Россия)

Языковые идеологии бурятской молодежи 54

А.И. Соболев (Петрозаводск, Россия)

Субъективные факторы, влияющие на изучение субстратной топонимии 56

Э.А. Салихова (Нефтекамск, Россия)

Социопсихолингвистические механизмы воздействия на личность деструктивных смыслов в цифровой среде 59

М.А. Степанова (Москва, Россия)

Une querelle d'Allemand. Немецкая ссора» как этнический стереотип 61

И.А. Данилов (Якутск, Россия)

Этнические русские в Якутии: языковая идентичность и отношение к якутскому языку (на примере потомков государевых ямщиков) 63

Б.А. Шишкин (Ставрополь, Россия)

Тенденции в гармонизации виртуального медиадискурса СКФО 64

С.Н. Бредихин (Ставрополь, Россия)

Наднациональные доминанты как синтонные компоненты сетевого провокативного дискурса 66

Н.Ю. Симоненко (Волгоград, Россия)

Идеологемы в китайских нарративных песнях XX века как носители культурных пресуппозиций 69

М.А. Горячева (Москва, Россия)

Динамика функционирования карельского языка в сфере периодической печати с советского времени до современности как отражение языковой идеологии 70

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 72

Г.А. Дырхеева (Улан-Удэ, Россия)

Бурятский язык вчера и сегодня: идеологический аспект 72

Ма Луна (Москва, Россия)

Влияние концепции «единство в многообразии» на языковую политику РФ и КНР 73

Е.А. Авдеев, С.М. Воробьев (Ставрополь, Россия)

Роль русского языка в полиэтничных регионах России: на примере Северного Кавказа 75

С.В. Нагурная (Петрозаводск, Россия)

Об опыте социолингвистического обследования в Карелии 1936 года 78

И.Р. Такала (Петрозаводск, Россия)

Могут ли карелы говорить? Особенности языкового строительства в советской Карелии 1920–1930-х годов 79

О.Б. Януш (Казань, Россия)

Центральноазиатский регион как сфера лингвокультурного влияния России 81

Е.А. Кондрашкина (Москва, Россия)

Языковое строительство в Республике Марий Эл в 1920-1930-х гг. 83

В.А. Кожемякина (Москва, Россия) Языковое строительство в Великом Герцогстве Люксембург	85
Ч.С. Цыбенова, В.Г. Жалсанова (Улан-Удэ, Россия) Русский язык в Монголии: идеологические маркеры прошлого и настоящего	87
К.И. Курбанова-Ильютко (Москва, Россия) Способы ревитализации французского языка в регионе Валь д'Аоста в XX-XXI вв.	88
Т.К. Салбиев (Владикавказ, Россия) Литературный язык как средство утверждения общественной идеологии: опыт Коста Хетагурова	90
О.Н. Сысолятина (Киров, Россия) Ценностные лексемы в лингвокультурной картине мира греков	92
Н.С. Братчикова (Москва, Россия) Речевой имидж президента Финляндии А. Стубба: коммуникативные стратегии и тактики	93
КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СЕВЕРНОГО ГОРОДА»	96
Н.И. Иванова (Якутск, Россия) Кросс-культурное исследование языковых практик и языковых идеологий саха и русских (к категоризации понятий)	96
И.С. Хохолова, В.В. Филиппова (Якутск, Россия) Язык ландшафта: языковые и политические идеологии	98

НАСЛЕДИЕ Л. Б. НИКОЛЬСКОГО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА И ОБЩЕСТВА

THE LEGACY OF L. B. NIKOLSKY IN THE LIGHT OF MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF LANGUAGE AND SOCIETY

Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

Л. Б. НИКОЛЬСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Леонид Борисович Никольский (1924–1997), участник Великой Отечественной войны, в 1950 г. окончил Военный институт иностранных языков как корейист, там же в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию; с 1958 г. он работал в академическом Институте народов Азии / Институте востоковедения, вёл также преподавательскую работу в ИВЯ при МГУ. Самой значительной его работой по корейскому языку был выполненный под его руководством и при его участии Большой корейско-русский словарь на 150 тысяч слов, изданный в 1976 г. Однако затем Леонид Борисович коренным образом изменил научную специализацию. В институте востоковедения он создал сектор социолингвистики, которым много лет руководил, и его последующие публикации были связаны с этой научной дисциплиной.

Изучение проблемы языка и общества в нашей стране имело многолетнюю историю, многие важные идеи выдвигали И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, В.М. Жирмунский, Б.А. Ларин. Однако затем данная проблематика по ряду причин не была популярна ни в СССР, ни в других странах. Господство структурализма ослабило внимание к ней как к разновидности «внешней лингвистики». Положение стало меняться в 1960-е годы, прежде всего, в США, где стали развиваться как конкретные исследования, так и теоретические подходы. У нас возрождение социолингвистики было связано с именами В.А. Аврорина и Ю.Д. Дешериева. В Институте востоковедения оно находило поддержку, поскольку институт был нацелен на исследование социально-политических проблем в изучаемых странах в самых разных аспектах. Однако за отдельными исключениями (В.А. Аврорин) в то время теоретические проблемы социолингвистики у нас разрабатывались мало. Л.Б. Никольский поставил перед собой задачу сформулировать теоретические и методологические проблемы

социалингвистики и наметить способы их решения. Это нашло отражение в докторской диссертации (1975) и книге «Синхронная социалингвистика. Теория и проблемы» (1976). Позднее он совместно с А.Д. Швейцером издал первый в СССР учебник социалингвистики (1978). Автор книги «Синхронная социалингвистика» до того был специалистом по конкретному языку, но в ней почти нет конкретных примеров, даже иллюстративных. Излагается некоторая теория; в учебнике роль конкретного материала, впрочем, значительно возросла. Автор книги справедливо указывает, что проблемы связи языка и общества требуют выхода за пределы структурного подхода (как известно, Ф. де Соссюр вообще отрицал возможность сознательного подхода к языку). Достаточно подробно рассмотрены идеи и методы зарубежной социалингвистики, прежде всего, американской и чехословацкой (Пражская школа всегда отличалась вниманием к данным вопросам). Указывается, что и в СССР, и за рубежом социалингвистические исследования стимулируются практическими задачами: развитие образования, разработка языковой политики, языковое планирование. По мнению Л.Б. Никольского, пока нет социалингвистики как единой науки, разные теории и методы объединятся лишь своим объектом. Ключевой вопрос: соотношение лингвистики и социологии, в данных исследованиях решавшийся по-разному. В диссертации и в книге Л.Б. Никольский вслед за Дж. Фишманом был склонен разделять социалингвистику (часть лингвистики) и социологию языка, в лингвистику не входящую. Позднее он отказался от этого разграничения. В книге 1976 г. подробно рассматриваются способы социалингвистической классификации языков, соотношение социалингвистики и функциональной стилистики, билингвизма и диглоссии, языковые ситуации, языковые и речевые общности и многое другое. Всё это имело большое значение для развития отечественной социалингвистики, многое в наследии учёного остаётся актуальным.

Вида Юозовна Михальченко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ:

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Языковая идеология тесно связана с национальной политикой, поэтому ее часто называют национально-языковой политикой. Существуют две тенденции в языковой

идеологии полиэтничной страны: языковое единение страны с разнообразным этническим составом и языковое разнообразие — стремление этносов культивировать свою традиционную культуру и язык.

В России все в порядке с языковым единством страны: русский язык имеет статус государственного языка России, который отражен в последней Конституции страны, им реально свободно владеют и пользуются 97 % всей гражданской общности страны.

Несколько иначе обстоят дела с языковым разнообразием современной России. В период языковой реформы, которая состояла в переходе к юридическому решению языковых проблем полиэтничного государства, суверенные республики России приняли законы о государственном статусе титульных языков республик. В этих законах была отражена языковая идеология этнических общностей России, в связи с чем в республиканские законы о языках были внесены соответствующие поправки.

Таким образом Российская Федерация получила идеальную правовую модель, отражающую проблему языкового единения страны, языковую ситуацию и языковую идеологию этносов России. Однако реализация законов о языках в основном ведется отдельно и сопровождается недостаточным учетом и поддержкой более слабого компонента языковой политики — этнических языков, их функционирования и развития. Эта неравномерность в реализации законов ведет к исчезновению некоторых этнических языков. Видимо, необходимо принять закон о принципах проведения языковой политики в стране. Такой закон скоординировал бы усилия по развитию языков России и гармонизировал бы существующую языковую действительность.

Наиль Мидхатович Мухарямов

Казанский государственный энергетический университет

(Казань, Россия)

«ЯЗЫКОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» КАК ИДЕОЛОГЕМА

Российское публично-информационное пространство в наше время отмечено значительным расширением семантической валентности концепта «суверенитет» - его сочетательных способностей как в активном, так и в пассивном вариантах, а также в облигаторном и факультативном режимах. При этом во множестве появляются

синтаксические конструкции в разных предикативных отношениях, а рассматриваемый концепт может выступать в роли логического подлежащего или в роли логического сказуемого.

Существенную сторону понятийного круга суверенности составляет различие моментов эксплицитного и имплицитного и, соответственно, свойств императивности, нормативной определенности или ценностно-символической фигуре речи. Понятно, что государственный суверенитет, суверенная финансово-кредитная практика – не то же самое, что «когнитивный суверенитет», «ментальный суверенитет» и проч.

Формула «языковой суверенитет» в начале 1990-х годов вначале была включена в текст Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г. и предполагала «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использование языка общения». По смыслу эта норма эксплицитно распространялась на правоотношения по поводу языка с участием этноязыковых коллективов и индивидов-носителей языков страны. В коннотациях, по сути, подразумевалось недопустимость неправомерного нарушения языковых прав.

Как вспоминал впоследствии один из авторов цитируемого закона Сергей Житенев, «использовали термин “языковой суверенитет”. С одной стороны, язык – сугубо личное дело каждого носителя. С другой стороны, он выражает интересы всех народов, населяющих Россию. Поэтому вопрос языковой – это вопрос и частный, и государственный» [Сердечнова 2023]. Понятно, что концепт «суверенитет» и в первоначальной версии закона, и в приведенном комментарии имеет квази-юридический и полу-метафорический вид. С самого начала он был порождением риторической конъюнктуры «парада суверенитетов» в ситуации распада государственности Союза ССР и использования языкового вопроса в качестве ресурса этнополитической мобилизации. По прошествии нескольких лет в российском законодательстве о языках слово «суверенитет» было заменено формулой «равноправие языков» при фактическом сохранении нормативной трактовки.

В новейших обстоятельствах политико-информационной конфронтации с геополитическими оппонентами «языковой суверенитет» претерпевает реконтекстуализацию. Сегодня – это уже идеологема, выведенная из формально-правовых сегментов дискурсивного пространства в декларативно-символические. Смысловые акценты явным образом смещаются с проблематики языкового многообразия на проблематику культурно-коммуникативной самобытности российского общества, на укрепление национальной смыслообразующей мощности русского языка.

Правовые установки законодательства о русском языке как государственном – соблюдение норм современного русского литературного языка и противодействие излишнему использованию иностранной лексики – эксплицитно не артикулируются как принцип «языкового суверенитета».

Эта формула в нынешней ситуации становится, скорее, в виде публицистической фигуры. Для того, чтобы превратиться в действенную идеологию, ей предстоит избавиться от некоторой проблематичности. «Суверенитет» в политическом понимании обладает концептуальной двойственностью – это независимость в международно-правовом смысле и верховенство во властно-государственном отношении (основание полной компетенции соответствующих институтов). Независимость с социолингвистической точки зрения ассоциируется в общественном внимании с противодействием по отношению к непомерному использованию заимствований, англицизмов и проч. (в других интерпретациях – с латинизацией коммуникативной среды). С моментом верховенства дело обстоит не так определено. То, каким образом возможно добиться верховенства – в институциональном, регулятивном, в собственно лингвистическом смыслах – ясно не до конца. Речь, по-видимому, должна идти о верховенстве норм литературного языка по отношению к его субстандартным вариантам.

Литература

Сердечнова Е. Если нам не нужна своя собственная культура, то тогда можно не бороться // Культура. 25 мая 2023. Режим доступа: // <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/351531-esli-nam-ne-nuzhna-svoya-sobstvennaya-kultura-to-togda-mozhno-ne-borotsya/>

КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И ИДЕОЛОГИИ

THE CONCEPT AND METHODOLOGY OF THE STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND IDEOLOGY

Михаил Александрович Марусенко, Наталия Михайловна Марусенко

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Объектом языковых идеологий является не только сам язык: они осуществляют связь между языком и другими социальными явлениями, начиная с идентичностей (этнической, гендерной, расовой, национальной, локальной, возрастной, субкультурной) и кончая концепциями личности и моделями человеческого поведения [Woolard 2021: 2]. Языковые идеологии существуют не только в виде ментальных конструктов и их вербальных выражений, но и в форме воплощенных практик и предрасположенностей, т. е. того, что П. Бурдьё называл габитусом: имплицитным знанием и укорененными ощущениями, которые закрепляются в человеке благодаря повторяющемуся социальному опыту [Богданов и др. 2020].

В основном потоке лингвистических идей XX в. языковые идеи носителей рассматривались как малоценные и вторичные, которые не могут корректно отражать фундаментальные автономные языковые структуры.

В начале и середине XX в. доминирующими были маргинализация или прямой запрет языковых идеологий, основанные на идеях Ф. Соссюра и В.Н. Волошинова, которые изучали только внутреннюю логику системы знаков, отрицая, что значащие знаки идеологичны по своей сути [Волошинов 1993]. Но в конце XX в. центр интереса лингвистической антропологии был перенесен на изучение коммуникации как социального взаимодействия, что заставило признать большее значение роли носителей. В 1980-х годах исследования в области языковых идеологий сконцентрировались вокруг идеологических корней социального неравенства и доминирования, форм сознания, которые поддерживали или сопротивлялись доминированию стандартных языков над нестандартными вариантами, мажоритарных языков над миноритарными и культурной власти некоторых социальных групп над другими.

Стандартизация национальных языков, которые подвергаются кодификации государственными учреждениями, например, языковыми академиями, ведет к распространению идеологии стандартного языка несмотря на то, что публичной целью стандартизации языков обычно объявляется повышение эффективности коммуникации. Стандартизация создает нормы, которые формируют «иерархическую разнородность», в результате которой формы речи, отклоняющиеся от стандартных норм, вместе со своими носителями, считаются неполноценными [Gal 2006: 171]. Идеология стандартного языка может вырождаться в языковую идеологию, названную «нормативным мооязычием», утверждающую, что мооязычие является идеальным представлением для воображаемого национального государства.

Одним из последствий этой эксклюзивной идеологии становится стигматизация отдельных вариантов языка, что ведет к смене или потере языка. Другим последствием является языковой пуризм, при котором носители стараются избегать заимствований из других языков, на которых они говорят, чтобы не запятнать стандартный вариант нестандартными и, тем самым, неполноценными языковыми формами [Fuller 2012: 10].

Литература

Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 304 с.

Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.

Fuller J. Spanish speakers in the US. Bristol: Multilingual Matters, 2012. P. 10.

Gal S. Contradictions of standard language in Europe; Implications for practices and publics // Social Anthropology. 2006. Vol. 14(2). P. 171.

Woolard K. Language ideology // J. Stanlaw (Ed). The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. JohnWiley & Sons, 2021. P. 2.

Лина Васильевна Разумова

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

Надежда Кряжева

Университет Клермон Оверни

(Клермон-Ферран, Франция)

У ИСТОКОВ ИДЕОЛОГИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

Слово «идеология» впервые вводится во Франции в широкий научный оборот А.-Л.-К. Дэстю де Траси (Destutt de Tracy, Antoine-Louis-Claude) в 1798 г. в период Великой Французской революции с целью кардинального реформирования философии и ее превращения в настоящую эмпирическую научную дисциплину, основанную на наблюдении [Destutt de Tracy A.-L.-Cl. 1992]. Считалось, что для решения этой задачи необходимо ограничить исследовательское поле философии изучением способов функционирования идей в обществе. В связи с этим также предполагалось, что следовало бы привнести в эту новую философию новый дух, который коренным образом изменил бы исследовательские процедуры, придав им точно очерченное фактологическое содержание, поддающееся наблюдению.

Превращая философию в «науку о мышлении», французские «идеологи» конца XVIII в. стремились отделить ее от метафизики, порождающей, по их мнению, умозрительные схемы познания. Таким образом, изобретение слова «идеология» было призвано отразить появление новой науки, готовой заменить старую философию. Вместе с тем, эта новая наука не должна была быть наукой о душе по отношению к субстанции (к мысли, идее) или наукой о субъекте, порождающем мысли и идеи, которые только и доступны для исследования. В этом плане идеология приближается в концепции «идеологов» к формальной логике, черпающей свои модели из грамматики, как науки о правилах формирования сложных элементов из простых (сложных идей, которые и составляют человеческое знание). Такое преобразование происходит опосредованно, через язык, который определяется в это время как «искусство знаков». Языковые знаки, как полагал Дэстю де Траси, не дублируют уже готовую мысль, с тем чтобы облегчить ее передачу: для формирования мысли необходимо с самого начала не только знать и уметь комбинировать разные элементы между собой, но и удерживать эти элементы в памяти [Destutt de Tracy A.-L.-Cl. 1800–1801]. Это возможно только с помощью

языковых знаков. Отсюда для идеологии как науки о мышлении решающее значение имела в конце XVIII – начале XIX вв. грамматика. Она понималась не как некая своеобразная реплика логики, но как коллективная форма социального знания. Подчеркнем также, что научный характер идеологии связывался в это время не только с изучением форм мысли, но и с обучением продуцированию «правильных» форм мысли; это находит отражение в появлении большого числа работ, посвященных образованию и методам обучения, применяемых на его разных ступенях.

Литература

Destutt de Tracy A.-L.-Cl. Mémoire sur la faculté de penser, De la métaphysique de Kant, et autres textes. Textes réunis et revus par Anne et Henry Deneys. Paris, Fayard, 1992, 311 p.

Destutt de Tracy A.-L.-Cl. Observations sur le système actuel d'instruction publique. P.: Chez la V-e Panckoucke, 1800–1801, 80 p.

Мария Васильевна Орешкина

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РОССИИ

Проблема «Язык и идеология» входит составной частью в круг интересов социолингвистики и в частности языковой политики. А. Д. Васильев в своей работе «Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм» обратил внимание на то, что понятие *языковая политика* не только и не просто многогранно, но «оно находится в сложных и неоднородных отношениях с целым рядом других понятий» [Васильев 2011]. В научной литературе известны различные понимания термина *языковая политика*. Так, как справедливо отмечал Ю.Д. Дешериев, «языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1990: 616], Л.Б. Никольский обращал внимание на связь языковой политики с культурой языка: «Будучи практикой сознательного вмешательства в языковое развитие, языковая политика включает в качестве составных частей культуру языка и языковое планирование» [Никольский 1970: 7]. В.М. Алпатов в своих работах по языковой политике подчеркивал, что практические меры в области языковой политики, проводимые

государством, обязательно основаны на определенных идеологических принципах [Алпатов 2003:20]. О тесной связи языка и идеологии писала М. Е. Иванова: «... Взаимосвязь идеологии и языка является неразрывной, динамичной, подвижной. В процессе развития общества эта взаимосвязь обнаруживает новые аспекты и функциональные проявления. <...>. Язык и идеология активно, взаимно и разносторонне влияют друг на друга» [Иванова 2020]. Идеологические принципы общества и государственного устройства данного общества, характеризующие данные институты и отражающие их отношение к действительности, находят реализацию прежде всего в системе образования, в административных и законодательных мерах, воплощаемых в соответствующих документах.

Современная языковая политика российского государства и российское языковое законодательство базируется на гуманных идеологических принципах. Президент РФ В.В. Путин и Правительство РФ в последние годы уделяло много внимания государственной национальной и языковой политике, было принято много новых законодательных актов по данным проблемам. В нашем докладе рассматриваются идеологические принципы и задачи, которые воплотились в российских законодательных актах последних лет и текущего 2024 года, предназначенных для проведения реализации языковой политики в отношении русского языка и родных языков народов России.

Одной из задач государственной национальной политики РФ, обозначенной в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» является «обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [см.: Указ Президента РФ... 2012].

Правительством РФ 12 июня 2024 года была утверждена Концепция государственной языковой политики Российской Федерации [Концепция... 2024]. В этом новом важнейшем для развития языков России документе определены меры по защите всех 155 языков, на которых сегодня говорят в Российской Федерации. Документ представляет собой систему взглядов на современное состояние, принципы, цели и задачи государственной языковой политики РФ, а также на инструменты и механизмы её реализации.

Президент РФ В. В. Путин в своих выступлениях на Совете по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России 5 ноября 2024 г., на Дне народного единства 4 ноября 2024 г. и других выступлениях высказал идеи, поставил задачи и поддержал многие инициативы, в частности идею создания

официального реестра языков народов России, задачу создания основ государственной политики в языковой сфере, федеральной государственной информационной системы «Национальный словарный фонд», единых государственных учебников по русскому языку и государственным языкам республик РФ, которые будут способствовать развитию, сохранению, изучению и улучшению преподавания языков народов России.

Литература

Алпатов В. М. (2003). Что такое языковая политика? // Мир русского слова. № 2

Васильев А. Д. (2011). Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм // Филология и человек. № 3.

Дешериев Ю. Д. (1990). Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.

Иванова М. Е. (2020). Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия // Манускрипт. Тамбов: Грамота. Т. 13. Вып. 1. С. 133-140. ISSN 2618-9690

Концепция государственной языковой политики РФ (2024). Режим доступа: [<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/?ysclid=m058eokn9r991140512>]. Дата обращения 22.08.2024.

Никольский Л. Б. (1970). Прогнозирование и планирование языкового развития // Доклады на VII Международном социологическом конгрессе. М.

Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями от 6 декабря 2018 г., 15 января 2024 г.)».

Константин Юрьевич Замятин

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Российский подход к управлению разнообразием сохраняет заметную преемственность с советской национальной политикой в плане идей и институтов, но также вносит некоторые

важные изменения в их концептуальное обоснование. Российский конституционализм заложил ряд этнических институтов, таких как принцип территориальности, который связывает этническую принадлежность и язык с территорией, а также некоторые концепции, определяющие национальную политику, такие как принцип равенства в правах народов России и их языков. Эти институты и идеи должны ограничивать сферу государственной политики, но в условиях ограниченности верховенства права, над правовым подходом к решению проблемы этнического и языкового разнообразия преобладает политический подход. Тем не менее, государство в значительной степени сохраняет формы институтов и воспроизводит официальные дискурсы, встроенные в официальный нарратив межнационального согласия в России. Это означает, что государство продолжает решать вызовы политической легитимации и нормативно-правового обоснования своей политики для достижения такого согласия. Каковы идеологии, из которых происходят концепции, используемые при таком обосновании политики? Как эти идеи вписываются в официальный нарратив? Почему и как сохраняется и воспроизводится официальный нарратив? В своем исследовании я изучаю дискурсы и практики управления языковым разнообразием в современной России, чтобы определить как государство легитимирует и обосновывает свою языковую политику. Исторический институциональный анализ и история идей дают исследовательскую оптику, чтобы понять изменения и преемственность в политике. В первой части, я скажу о роли политических идеологий как источника легитимности. Затем я отслежу истоки концептуальных основ языковой политики России. Наконец, я проанализирую, как ключевые концепции работают в российской политической системе. Я утверждаю, что, несмотря на многие идеологические и институциональные различия, подход к управлению разнообразием имеет при схожести политической системы в СССР и России высокую степень преемственности, выражающейся, в частности, в способах легитимации и нормативно-правового обоснования политики идентичности в том числе в языковой сфере.

Юрий Владимирович Дорофеев

Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования

(Симферополь, Россия)

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Сегодня, когда мир вступил в эпоху глобализации, многие процессы, связанные с

развитием языка, культуры и других атрибутов социума, принимают новые формы. Это порождает необходимость по-новому взглянуть и на некоторые традиционные вопросы формирования языковых идеологий, которые основаны на категориальном аппарате социолингвистики, описывающей развитие и функционирование языков, с учетом не только достижений современного языкознания, но и практического использования ряда терминов в сфере государственной языковой политики и идеологии. В связи с этим, как указывает А. Н. Рудяков, возрастает важность определений, поскольку в них фиксируются правила использования объекта или понятия: чем адекватнее будет определение, тем успешнее будет деятельность человека в соответствующей сфере [Рудяков, 2016]. И наоборот, неверное определение будет препятствовать деятельности социума. Для решения терминологических противоречий исследователь предлагает опираться на функциональную интерпретацию современного языкового универсума.

Ряд проблем в формулировках нормативных актов связан с недостаточной разработанностью категориального аппарата, описывающего соответствующие явления, противоречивостью и неоднозначностью терминов. Поэтому одной из ключевых задач социолингвистики на современном этапе является необходимость выработать адекватные определения тех понятий, использование которых поможет исключить существующие противоречия в интерпретации языковых идеологий.

До недавнего времени к нечетко определенным терминам относилось и понятие *государственный язык*, однако в «Концепции государственной языковой политики РФ» [Концепция государственной языковой...] приведены дефиниции ряда ключевых понятий, важных для данной сферы (наряду с *государственным языком* в Концепции определены *языковое многообразие Российской Федерации*, *государственные языки республик Российской Федерации* и некоторые другие). В то же время пока что не закреплено значение термина *родной язык*, которым нередко обозначают совершенно разные явления и факты, в частности, его смешивают с понятием *национальный язык* (безусловно, в некоторых случаях эти термины могут использоваться для обозначения одного и того же языка, однако такое объединение нельзя абсолютизировать).

Естественно, в процессе формирования языковой идеологии важную роль играет словарь соответствующих терминов, который отражает состояние не только определенной научной сферы, но и основные принципы языковой политики, устанавливает соответствующие наименования явлений действительности, определяет интервалы использования терминов и их специфику. В этом отношении следует выделить две работы,

подготовленные научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН: «Словарь социолингвистических терминов» (2006) [Словарь социолингвистических терминов, 2006] и социолингвистическая энциклопедия «Язык и общество» (2016) [Язык и общество, 2016], которая посвящена в том числе комплексному описанию понятийного аппарата отечественной социолингвистики с учетом особенностей формирования языковой идеологии в Российской Федерации.

При этом ключевой позицией для формирования идеологии становится укрепление позиций русского языка как государственного внутри страны. При всем уважении к языковому многообразию мы должны понимать, что ни один из языков народов России не может обеспечить те же возможности межгосударственного и межнационального взаимодействия, поэтому функции русского языка как государствообразующего должны быть не только декларируемыми, они должны стать настоящей основой нашей деятельности, им следует отвести сегодня центральное место в рамках языковой политики. Гносеологическим основанием для формирования такого подхода в языковой идеологии и соответствующего ему развития категориального аппарата социолингвистики может выступить, по нашему мнению, концепция геолингвистики, предложенная А. Н. Рудяковым.

Литература

Концепция государственной языковой политики РФ.(2024). Режим доступа: [<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/?ysclid=m058eokn9r991140512>]. Дата обращения 22.08.2024.

Рудяков А.Н. (2016). Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ЛЕКСПУС. 320 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Язык и общество. Энциклопедия (2016). Гл. ред. Михальченко В.Ю. М.: Азбуковник. 872 с.

Александр Вадимович Бабук

Национальная библиотека Беларуси

(Минск, Республика Беларусь)

ФЕЙКИ В ИНТЕРНЕТЕ И ИХ ВЫЯВЛЕНИЕ: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

В современном цифровом компьютеризированном обществе, где информация является ценностью, информационный компонент становится средством управления массами. Как пишет В. И. Шляхов, «за примерами далеко ходить не надо, в политическом дискурсе разных стран обнаруживаются сходные приемы ведения пропагандистских войн, речевые выпады в сторону противников и оппонентов и богатая метафорика языка войны, вербализация концепта “свой-чужой”». Современная информационная война характеризуется столкновением и противоборством различных ценностей и мнений, создаваемых и транслируемых субъектами в публичном пространстве. Все это делает современные пропагандистские тексты интертекстуальными, т.к. в их «дискурсах наблюдается похожая архитектура и приемы воздействия на сознание потребителей дискурсивного продукта» [Шляхов 2017: 87].

В этом смысле информационное противоборство, благодаря развитию средств массовой информации и коммуникации, получает большой импульс. В связи с этим возник термин информационной войны, под которым понимается «комплексный инструмент оказания управляемого социально-психологического воздействия на общество и отдельно взятого гражданина с целью изменения психологических характеристик в желаемом для воздействующей стороны направлении (*взглядов, мнений, мировосприятия, ценностных ориентиров, умонастроений, стереотипов поведения*. – курсив наш, А.Б.)» [Филимонов 2017: 15]. Данная цель в ее аксиологическом измерении безусловно является стратегической для всех субъектов информационного противоборства.

Современная информационная война может протекать на четырех уровнях:

- социальном – плетение интриг внутри семьи, информационное противоборство между супругами и близкими родственниками;
- межсоциальном – информационное противоборство между общественными структурами и объединениями;
- государственном – информационное противоборство между представителями общества и государственной власти;

- межгосударственном – информационное противоборство различных государств.

В этом смысле речевое манипулирование – это одна из форм интегрального коммуникативного взаимодействия, цель которого составляет, в том числе, изменение мнения и ценностных установок человека. В этом смысле актуальным для информационной войны становится аксиологическое или ценностное измерение, которое задается посредством продвижения социально значимых установок как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общества и государства. Основу информационной безопасности в таком случае формируют фундаментальные ценности или антиценности, которые транслируются в общественное сознание с помощью средств массовой информации и коммуникации. Ценности эти создают ключевые концепты, которые в свою очередь формируют также картину мира и дискурс как «интегральное образование, структурированное субъектом высказывания по определенным нормам и правилам» [Серебренникова 2011]. Носителем этих ценностей в лингвистическом понимании становится коммуникант, создающий какой-то продукт своей речевой деятельности (текст), в том числе и человек, публикующий свой пост (текстовое сообщение) в пространстве Интернет-дискурса (социальных сетях, мессенджерах).

Данный доклад посвящен такому актуальному на сегодняшний день аспекту современной кибербезопасности как установлению распространения недостоверной (фейковой) информации в сети Интернет. В настоящее время существует огромное количество исследований, которые касаются психологии манипуляции сознанием Интернет-пользователя, но очень мало исследован языковой вопрос фейковой информации. Опираясь на методику И.А. Стернина [Стернин и др. 2021] в данном докладе автор сосредотачивает свое внимание, прежде всего, на лингвистических признаках фейков, распространяемых преимущественно в глобальной сети.

Литература

Серебренникова Е.Ф. (2011). Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС. С. 7–26.

Стернин И.А., Шестерина А.М. (2021). Маркеры фейка в медиатекстах. Пособие. Воронеж: Издательство «РИТМ». 60 с.

Филимонов Г.Ю. (2017). Информационный террор. Тактика и стратегия информационной войны (Серия «Антимайдан») / Г.Ю. Филимонов, Н.С. Данюк. М.: Книжный

мир. 256 с.

Шляхов В.И. (2017), Текст в коммуникативном пространстве / В.И. Шляхов, Л.Н. Саакян. М.: URSS: Ленанд. 237 с.

Виталий Григорьевич Раднаев, Дарима Шагдуровна Харанутова

Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова

(Улан-Удэ, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ НА БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ В РАМКАХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Основная цель языковой политики Республики Бурятия в отношении бурятского языка в средствах массовой информации (СМИ) – это создание условий для сохранения, развития, повышения функциональности бурятского языка в регионе.

В рамках постановления Правительства РБ от 28 декабря 2020 года № 816 была утверждена Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия» на 2021-2030 гг.¹ Основным уполномоченным органом, отвечающим за реализацию программы в республике, стало Министерство образования и науки Республики Бурятия, обеспечивающее выполнение государственной программы на территории Республики Бурятия.

На сегодняшний день медиапотребление на бурятском языке претерпевает значительные изменения, и использование средств массовой информации для реализации языковой стратегии и цели активно переместилось в интернет-пространство. В эпоху цифровизации и глобализации важно понимать, что если развернуть стратегию на интернет-пользователей, результаты языковой политики не заставят себя долго ждать.

На данный момент в Бурятии действуют два региональных официальных средства массовой информации, поддерживаемые государством: газета "Буряад Үнэн" (Бурятская правда) и телеканал "Буряад ТВ" (Бурятское ТВ).

Наиболее активным является молодой телеканал «Буряад ТВ» (год основания 2021²),

¹ Правительство Республики Бурятия. Постановление № 816. <https://docs.cntd.ru/document/571091607>

² В Улан-Удэ состоялось открытие «Буряад ТВ». https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=107998&sphrase_id=112422034

который за три года выпустил 3888 телепроектов и разместил их на сайте, в социальных сетях и площадках телеканала. Помимо телепроектов, SMM-отдел телеканала ежедневно выпускает разнообразный контент 24/7 в самых популярных социальных площадках республики, таких как: ВКонтакте, Одноклассники, Телеграм, Viber, YouTube, Instagram³. Средний охват просмотров в месяц, по данным телеканала, составляет 555 575. Ежедневно 5 постов на родном языке публикуются на протяжении этого года на всех площадках.

Стоит отметить, что современный человек живет в системе информационных потоков. Безусловно, самым мощным из них является телевидение, выполняющее различные социальные функции, в том числе популяризации, сохранения и развития бурятского языка среди населения.

Телевидение относится к важнейшим системам, призванным прививать любовь к Родине, сохранять и оберегать ее единство и мощь, к тому же телеканал стал первым в мире круглосуточным каналом на бурятском языке. С этой точки зрения велико и неоспоримо влияние национального телевидения (прежде всего как телевидения на национальном языке) на формирование патриотического сознания, любви к малой родине, сохранению традиций и языка.

Одной из задач государственного управления и способом ее эффективного решения в сфере реализации Государственной программы является популяризация бурятского языка. Таким образом, в рамках сохранения и развития бурятского языка на телеканале создаются телепередачи на бурятском языке, способствующие выполнению этой задачи. К примеру, это популярные передачи среди населения: «Бүргэд» («Орёл»), «Асуулта» («Опрос»), «Жэгүүртэ хүлэг» («Литературный пегас»), «Манай саг» («Наше время»), «Энэ, тэрэ...» («И то, и другое...»).

С появлением бурятского телевидения позитивные тенденции наблюдаются как у старшего поколения, так и молодого подрастающего поколения. Телеканалом «Буряад ТВ» создаются специальные проекты, направленные на конкретную целевую аудиторию. Например, для детей выпускается программа «Би томоо болооб» («Я вырос»), для молодежи – интеллектуальные викторины и развлекательные шоу: «Түргэн Харюу» («Быстрый ответ»), «Бүлэ батл» («Семейный батл»). Для старшего поколения выпускаются новостные, литературные, спортивные, исторические и культурные программы: «Алтан Гэрэл» («Золотой свет»), «Нүхэд дундаа» («В кругу друзей»). Важно отметить, что канал находится в стадии становления, но уже в этот период стал создавать «тренды» на знание родного языка и

³ Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

культуры в целом.

Наблюдается активный рост комментариев под проектами телеканала на бурятском языке, что говорит об употреблении письменного бурятского языка в сообществах свыше 1000 человек.

За три года телеканал начал активно развивать международное сотрудничество. Телепередачи пользуются спросом во Внутренней Монголии (Китай) и Монголии, где проживает бурятоговорящее население. В 2023 году телеканал начал вещание на территории Забайкальского края. В перспективе есть возможность увеличить зону охвата и целевую аудиторию, ведутся переговоры об увеличении сигнала вещания и на Иркутскую область.

Итак, перспективы медиапотребления на бурятском языке в рамках языковой политики Республики Бурятия обширны, в целом имеют положительную направленность.

ЯЗЫК В ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

LANGUAGE IN POLITICS AND IDEOLOGY OF RUSSIA AND OTHER COUNTRIES

Гулбаршын Олжабаевна Сыздыкова, Маржан Какимовна Ахметова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

(Астана, Казахстан)

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА⁴

В Республике Казахстан с первых лет независимости национальному языку – казахскому – присвоен государственный статус. В целях расширения сферы его применения в образовании и науке, официальном документообороте и других сферах общественной жизни приняты несколько законов, рассчитанные на разные годы программы развития и функционирования языков. В этих документах язык, права и свободы, культурно-духовное развитие народа, проживающего в полиэтнической среде, состоящей из более чем 130 национальностей, получили максимальную поддержку. Русский язык был определен как официальный язык и язык межнационального общения.

Проживающий в полиэтническом пространстве народ и, в частности, казахстанская молодежь имеет возможность общаться и обучаться на разных языках – казахском, русском, английском. В этих условиях культурного и языкового многообразия функционирует ряд институтов, направленных на сохранение национальной идентичности, формирование национальных ценностей у молодежи – государственные учреждения, школы и детские сады, вузы, научно-исследовательские институты, СМИ и др. С целью выяснить, какие из них являются наиболее эффективными, чья роль наиболее важна в формировании национальной идеологии, какие механизмы влияют на формирование национальной идентичности казахской молодежи, нами был проведен опрос на знание таких этнокультурных единиц, как *бата*, *иткөйлек*, *домбра* и др., которые являются знаковыми для казахского народа, передают нашу культуру и образ жизни (*бата* – *пожелание*, *благословение*, *аксакал* (*старшина*), *пожелание*

⁴Данные тезисы подготовлены в рамках проекта AP23488671 «Языковая репрезентация этнокультурного сознания казахской молодежи» по грантовому финансированию МНВО РК на 2024-2026 гг.

старших и т.д.; *иткөйлек* – одежда, малыш, платье новорожденного и т.д.). В опросе приняли участие представители казахской молодежи в возрасте от 17 до 35 лет, всего 62 респондента. Это молодые люди, выросшие в полиязычной, многонациональной среде, родившиеся в годы независимости и, как правило, владеющие несколькими языками.

В опросе приняли участие 51,6% студентов, 11,3% магистрантов, 4,8% докторантов, 29% сотрудников, 3,2% женщин в декретном отпуске. 96,8% из них учились в казахской школе, 3,2% - в русской. 80,6% обучались либо обучаются в вузах на казахском, 16,1% - на английском, 1% - на русском, 1% - на казахском и русском языках.

В результате анкетирования выявлялись сначала ассоциации, возникающие в сознании представителей казахской молодежи по отношению к этнокультурным единицам, а затем - факторы, способствующие формированию этих образов. В ходе анализа ответов было выявлено несколько социальных факторов, образующих национальную идеологию и оказывающих влияние на молодежь: семья, детский сад, окружающая среда, школа, вуз, СМИ, социальные сети, литература, искусство, традиции, обычаи, госпрограммы и т. д.

Среди факторов, формирующих данные ассоциации, большая часть участников опроса указала семью, традиции, обычаи и литературу. Например, формированию представлений о понятии *бата* по мнению 93,5% опрошенных способствует семья, 61,3% указали обычаи, 29% - литературу; представления о понятии *иткөйлек* 54,8% опрошенных получили в семье, 35,5% - благодаря традициям и обычаям, 16,1% - из литературы. 12,8% написали, что не знакомы с этим понятием.

На вопрос "Как вы думаете, что играет приоритетную роль в формировании национального миропонимания, ценностей?" большинство респондентов также ответили, что семья. Наблюдались такие ответы: *В первую очередь преобладает роль домашнего воспитания. Не зря говорят "По жизни летишь (идешь) с тем, что видишь в гнезде" (1). Национальные ценности берут свое начало в семье. (2). Семья и родители (3).*

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что семья занимает первое место среди факторов, влияющих на образование представлений об определенной этнокультурной единице. Это наглядно демонстрирует общественное и социальное значение института семьи в полиэтничной стране.

Марина Михайловна Раевская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Тематика языковой идеологии остро актуальна для современного испаноязычного социума как на Пиренейском полуострове, так и в Латинской Америке: еще на рубеже XX-XXI вв. первостепенную важность для всех стран испанской речи начал приобретать социально-политический статус испанского языка, столь необходимый не только для удержания их внутренних экономических взаимосвязей, но и ментального единства, зиждущегося на едином историко-культурном основании. Начиная с XXI в. главная роль в испаноязычном коммуникационном пространстве отводится так называемой *паниспанской языковой идеологии*, которая, будучи вписанной в режим нормативности, одновременно стала генератором образцовых и общепринятых дискурсов.

Исследование языковой идеологии как некоего концептуального конструкта берет начало в XX веке (J. Blommaert, S. Gal, J. Irvine, P.V. Kroskrity, A. Rumsey, B.B. Scieffelin, M. Silverstein, K. A. Woolard) и с тех пор получило разностороннюю разработанность в научной библиографии на испанском языке (M. Casado Velarde, R. González Ruiz, C. Fernández Bernárdez, C. Marimon Lorca, E. Narvaja de Arnoux, O. Loureda, I. Olza Moreno, D. Paffey, J. Del Valle и др.), в которой данное понятие рассматривается как наблюдаемая в социальной жизни репрезентация отношения говорящих к родному или иностранному языку, определяющая повседневную коммуникацию и социальную практику общества.

Кроме того, в современной зарубежной испанистике языковая идеология представлена с точки зрения социального, политического и культурного контекста как средство формирования языкового и лингвокультурного единства, как один из инструментов языкового нормирования, а также как продукт и ресурс институционального воздействия в рамках *паниспанской языковой политики*. Претворение в жизнь последней возложено на Королевскую академию испанского языка Испании (RAE), Ассоциацию Академий испанского языка всех стран испанской речи (ASALE) и Институт Сервантеса (IC), а идеологическим генерирующим центром является проходящий каждые три года Международный конгресс испанского языка (CILE). Согласно современной академической *паниспанской* доктрине, язык во многом определяет не только вербальную коммуникацию говорящего, но и его

мировоззрение, и, следовательно, – некоторые общие способы жизни и способы принятия решений. С 2004 г. в мировом глобалистском контексте последнего десятилетия тематика языковой идеологии на материале испанского языка изучается в специализированной научной литературе как одна из составляющих наднациональной идентичности. Начало целенаправленному конструированию *паниспанской языковой* идентичности было положено на прошедшем под лозунгом «Языковая идентичность и глобализация» (*Identidad lingüística y globalización*) III Международном конгрессе испанского языка (*CILE, 2004*), когда политики и государственные лица самого высокого ранга, а также деятели науки и культуры испаноязычных стран поставили перед собой цель сформировать более широкую и перспективную надгосударственную общекультурную реальность, свободную от любой политической идеологии. III Конгресс одобрил следующие *идеологемы*, поставленные на службу *паниспанизма*: *испанский язык - общая родина, испанский язык - это место встречи, испанский - универсальный язык, испанский язык – результат языкового смешения, испанский язык принадлежит и Американскому континенту.*

Таким образом, испаноязычный социум быстро отреагировал на главный вызов времени и максимально успешно использовал язык как действенный инструмент социальной политики. Конструирование *паниспанской языковой идеологии*, а через нее и *паниспанской языковой идентичности* (*identidad lingüística panhispanica*), в значительной степени является важнейшим фактором надгосударственного строительства и инструментом гарантии стабильного существования крупнейшего языкового сообщества планеты. В настоящее время испаноязычное сообщество активно продвигает *паниспанскую языковую идеологию* как основу коллективной *паниспанской идентичности* и находится в процессе осмысления и освоения новой социальной дискурсивной практики постколониального периода.

Сергей Владимирович Кухаренко

Благовещенский государственный педагогический университет

(Благовещенск, Россия)

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В КНДР

Обучение иностранным языкам в КНДР начинается в 1949 г. с создания Института русского языка, впоследствии преобразованного в Пхеньянский университет иностранных

языков. До распада СССР русский язык был основным иностранным языком, преподаваемым в учебных заведениях КНДР, его изучало более 60 % учащихся северокорейских школ и вузов [Кухаренко 2023]. Затем он постепенно начал вытесняться английским языком. Китайский язык также получил значительное распространение, в первую очередь, ввиду экономических связей КНДР и КНР. Основные иностранные языки, изучаемые в КНДР на данный момент - английский, китайский, русский и японский.

Северокорейские подходы к преподаванию иностранных языков сформировались в изолированной и высоко идеологизированной среде. Поэтому существует разница между общепринятыми мировыми тенденциями в методике преподавания иностранных языков в КНДР. В первую очередь, это низкая степень применения коммуникативного подхода и превалирование репродуктивной речевой деятельности над продуктивной [Кухаренко 2024].

При преподавании иностранных языков в КНДР основной акцент делался на чтении текстов, а не на разговорной речи. Такая практика сложилась прежде всего, потому что для понимания технических текстов и изучения западных технологий достаточно было навыков чтения. На наш взгляд, репродуктивная деятельность характеризует не только особенности преподавания иностранных языков в КНДР, но и сам ход мыслей северокорейского гражданина, в голову которого вкладываются определенные установки, шаблоны мышления, которые обучающиеся должны репродуцировать не осмысливая критически, что подтверждается наблюдением иностранных преподавателей в КНДР [Kim 2014]. Отсюда следует и отсутствие проблемных, дискуссионных вопросов при развитии речевых навыков, изучении гуманитарных дисциплин.

В целях цензурирования и включения идеологического компонента при обучении иностранным языкам в КНДР используют не оригинальные учебники, написанные носителями языка или хотя бы имеющие носителя языка в качестве соавтора или корректора, а учебники, написанные собственными специалистами. К сожалению, нежелание привлекать носителей языка к составлению учебников приводит к наличию значительного количества ошибок на страницах северокорейских учебников. Так на страницах учебного комплекса «Русский язык» в несовершенном виде употребляются глаголы, которые должны быть употреблены в совершенном виде — «Все 30 букв правильно писали – «отлично»» [Русский язык 2011: 59]. «Папа писал свою автобиографию. Случайно я читал её». Слово «робот» в винительном падеже употребляется без изменений: — Я люблю компьютер. — Я тоже. Но больше всего люблю робот [Русский язык 2011: 199] и др.

Идеология отражена и в содержательной части учебных пособий в КНДР. В учебном

комплексе «Русский язык» под ред. Пака Кён Сука, состоящем из 4 частей и используемом в средних школах КНДР, имеются диалоги, содержащие подобные строки еще на начальном этапе обучения «Вот послушай: идеи сонгун, эпоха сонгун, политика сонгун, сонгунская революция и сонгунское руководство. — А кто создал идеи сонгун? — Великий вождь Генералиссимус Ким Ир Сен создал идеи сонгун...» [Русский язык 2011 (2): 8]., «Но самое великое, самое дорогое слово – это вождь. Наш великий вождь – Генералиссимус Ким Ир Сен. Наш великий руководитель – Маршал Ким Чен Ир» [Русский язык 2011 (2): 24].

Можно заключить, что идеология в Корейской Народно-Демократической Республике оказывает существенное влияние на то, какие языки изучаются в стране, на крайне ограниченное присутствие в стране носителей иностранных языков, качество учебных пособий, их содержание, методику преподавания иностранных языков, возможности изучающих иностранные языки студентов смотреть или слушать иностранную речь даже в записи.

Литература

Кухаренко С. В. (2023 (1) Обучение русскому языку как иностранному в КНДР // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. № 23. С. 170-172

Кухаренко С. В. (2023 (2) Особенности преподавания русского языка как иностранного в школах КНДР (на основе анализа учебного комплекса «Русский язык») // Педагогика и просвещение. № 2. С. 117-126. DOI: 10.7256/2454-0676.2023.2.40564

Кухаренко С. В. (2024). Рекомендации по совершенствованию методики преподавания русского языка в КНДР // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. № 24. С. 93-98.

Русский язык (2011). (1-я средняя школа, средняя школа) / Под ред. Кёнсук Пака. Ч.

1. Иностранная литература, Пхеньян.

Русский язык (2011 (2). (1-я средняя школа, средняя школа) / Под ред. Кёнсук Пака. Ч.

2. Иностранная литература, Пхеньян.

Русский язык (2011 (3). (1-я средняя школа, средняя школа) / Под ред. Кёнсук Пака. Ч.

4. Иностранная литература, Пхеньян.

Алёна Владимировна Оробий

Благовещенский государственный педагогический университет

(Благовещенск, Россия)

КНДР: МЕДИА-ПОРТРЕТ ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ

Русский язык, как инструмент межкультурного диалога, играет важную роль в контексте взаимодействия с КНДР. Цель данного исследования заключается в анализе прагматических особенностей русскоязычных материалов, транслируемых из КНДР, что позволяет выявить ключевые темы, риторические приемы и дискурсивные стратегии, используемые для формирования общественного мнения о стране. Целевой аудиторией этих материалов являются широкие слои русскоговорящей общественности, что определяет особенности подачи информации.

Тексты, посвященные отношениям с Россией, являются пропагандистским материалом, нацеленным на укрепление образа страны, стремящейся к сохранению мира, но готовой защищать свои интересы, и отражают официальную позицию страны по вопросам международной безопасности. Использование риторики «борьбы против империализма», употребление ярких эпитетов, повторов, патетических образов призвано повысить эффективность текста, сделать его более впечатляющим и убедительным. Дополнительным смысловым акцентом является утверждение прочных связей с Россией. Тексты подчеркивают прочность отношений с Россией, в том числе в военной сфере, позиционируют КНДР как важного игрока в контексте «резко меняющейся обстановки обеспечения международной безопасности» [Толорая 2018].

Анализ статей из журнала «Корея» позволяет понять ключевые элементы стратегии КНДР, направленные на укрепление образа страны в глазах внешней аудитории. Стоит отметить, что журнал, история которого насчитывает почти 70 лет, изменил политику – если ранее, в эпоху Ким Ир Сена, акцент делался на мифотворчестве, идеализации руководителя страны через истории, демонстрирующие постоянную заботу о простых людях, то в современных текстах мы видим скорее подробный репортаж, скрупулезное следование правилам: строго хронологический рассказ, возвеличивающие эпитеты, высокая оценка деятельности и напоминание о мудрости руководителя.

Все материалы журнала демонстрируют четкую и последовательную пропагандистскую стратегию, направленную на формирование позитивного образа КНДР. Если рассматривать немногочисленные материалы, связанные с Россией, то все статьи

строятся на едином нарративе, подчеркивающим глубокие дружеские отношения и тесное военное сотрудничество между странами. Явным образом прослеживается и идеологическая повестка – борьба с империализмом и защита суверенитета, а также идеализированный образ «братства по оружию» и «сплоченности».

Что касается мифотворчества, то его до сих пор можно увидеть в современном кинематографе КНДР. Строго регламентированный Ким Чен Ир [Ким Чен Ир 1973], он также служит пропаганде достижений страны, героизации труда и идей чучхе. Если советским зрителям были известны некоторые северокорейские картины («Утомленное солнце», «Хон Гиль Дон», «Приказ 027»), то в настоящее время большинство фильмов производства КНДР доступно в переводе энтузиастов-корееведов. Фильмы конца XX – начала XXI века, такие как «Я в далеком будущем» (1997), «Дневник школьницы» (2006), «Имя, данное эпохой» (2009) и прочие транслируют и закрепляют важные идеологические и социальные нормы, через которые КНДР стремится поддерживать и укреплять коллективное сознание и единство нации. Фильмы можно рассматривать как типичный пример северокорейского кинематографа, который сочетает элементы пропаганды, патриотизма, социального воспитания.

Анализ прагматики русскоязычных материалов, транслируемых из КНДР, показывает, что они направлены на формирование желаемого образа страны как сильного и самостоятельного государства, укрепляя ее авторитет в глазах русскоговорящей аудитории и пропагандируя официальную позицию КНДР по вопросам международной безопасности.

Литература

Ким Чен Ир (1989). О киноискусстве, 11 апреля 1973 года / Ким Чен Ир. Пхеньян : Изд-во лит. на иностранных яз. 373 с.

Толорая Г.Д., Яковлева Л.Н. (2018). Отношения Российской Федерации с КНДР. Три десятилетия, четыре этапа // КНДР и РК — 70 лет / М.: ИДВ РАН. С. 33—48.

Александра Бражович (Aleksandra Brajović)

Венский университет

(Вена, Австрия)

**TRACES OF RUSSIAN HERITAGE IN SERBIAN LITERACY AND CULTURE –
RUSSIAN SCHOOLS AND RUSSIAN CHURCH SLAVONIC LANGUAGE
AMONG SERBS IN SOUTHERN HUNGARY IN THE XVIII CENTURY**

The main topic of the paper will be the course and significance of the introduction of Russian Church Slavonic as a written language among Serbs in southern Hungary through the activities of Russian schools at the beginning of the 18th century. The presence of Russian Church Slavonic among Serbs is a product of a specific historical, but also political situation, in which ideological positions, primarily of a religious type, play a crucial role. The chain of events that led to this situation was initiated by an event known as the Great Migration (1690), due to which a large contingent of Serbs moved from Serbia (then under Turkish occupation), across the Sava and Danube, to the territory of southern Hungary, ie. the Habsburg Monarchy.

There, in the Monarchy, the Serbs, Orthodox Christians in a Catholic environment, were exposed to temptations and threats to their religious identity for years. Their position worsened for almost three decades until, having lost all hope for improvement, Metropolitan Mojsije Petrović, the spiritual and secular head of the Serbs in southern Hungary, took measures to preserve the Orthodox faith. In 1718, he addressed the Russian emperor Peter the Great and asked him for help in form of church and school books and teachers, who would open schools and teach his folk in Orthodox spirit, Church Slavonic language and tradition [Mladenović 2008: 177–178]. When the emperor responded positively to his request, he consented not only to sending church books, but to engaging two teachers, Petar and Maksim Suvorov. They brought with them the most important works from the domain of Russian school literature of that time: Polikarpov's *Leksikon trejazyčnyj* (1704), Smotrickij's *Slavenskaja grammatika* (1721) and Prokopovič's *Pervoe učenie otrokom* (1722), and opened in 1722 the so-called "Slavic school" [Milanović 2010: 79]. These textbooks and the Slavic school and its successors raised generations of Serbian pupils, who later became the first followers and cultural workers of the Enlightenment.

The significance of the mentioned historical events is manifold and comprehensive. Firstly, the appeal to the Russian emperor for help in preserving the Orthodox faith showed the staunch religious stronghold of Serbian identity, already in the pre-national age, but also the awareness that in this cultural matrix the Serbs are not alone – but that there are similar, related folks, with the same

ideological settings, which consider this issue to be of equal importance. Also, the arrival of Russian teachers ensured not only the education of the following generations, but also continuation of the Orthodox tradition in culture and literacy. Over the course of several decades, it produced the first school books by Serbian authors, such as the primers and textbooks of the first Serbian Enlightener Zaharija Orfelin [Ostojić 1923: 113], largely written on basis of Russian models. Finally, traces of this influence are present in the discourse of Serbian culture even today – which shows how decisive decisions made at turning points in history can be and how far-reaching (and sometimes fruitful) their consequences are.

References

Milanović, Aleksandar. *Kratka istorija srpskog književnog jezika*. Beograd: Zavod za udžbenike, 2010.

Mladenović, Aleksandar. *Istorija srpskog jezika*. Beograd: Čigoja štampa, 2008.

Ostojić, Tihomir. *Zaharija Orfelin, život i rad mu*. Beograd: Srpska kraljevska akademija nauka i umetnosti, 1923.

Ананд Раджа (Anand Raja)

Университет Праяграджа им. Раджендра Сингха

(Праяградж, Индия)

LANGUAGE AND THE CELEBRATION OF HINDU NATIONALISM

India has precarious living condition for millions of people. The dejection of daily existence longs for self-assertion and hope of living in a better country. The ruling dispensation asserts a Hindu identity for the nation, and those living in precarity are to celebrate and find solace in the sign language of Hindu-Nationalism. Saussure would say of the sign that the sound/image, also the signifier, is connected arbitrarily to an object/idea, also the signified; while the signifier evolves into language, the idea grows into ideology. This paper shows how the ideology of Hindu-Nationalism has enveloped the language of politics and the media, as manifested in the inaugural ceremonies of the Ram Temple of Ayodhya and the new building of India's national parliament.

Both inaugurations were inundated with Hindu religious imagery. The ceremonies involved performing the Yagna, a ritual in which offerings are made to a fire, along with the chanting of

Sanskrit hymns. This is a Brahminical tradition. The Yagna is a way of creating a sacred space free of impurities. The import of bringing notions of sacredness and Brahminism put Hinduism at the centre of India's political discourse and other religions and anti-Hindu elements at the periphery.

The Prime Minister, Uttar Pradesh Governor and Chief Minister, sat at the feet of the statue of Lord Ram and made offerings when Ram Temple was inaugurated. The inauguration of the Indian Parliament involved Tamil priests handing Prime Minister a Sengol, a gold-plated silver spectre, to the accompaniment of Carnatic Music.

Thus, religion now governs both secular and religious spaces. Treating a secular building as if it is religious is colouring politics with Hinduism. The Indian Parliament comes to have its origins symbolically in Hinduism rather than in Constitutional Secularism. Thus, language comes to propagate the ideology of the fusion of Hinduism and Nationalism to the level that they become equivalent.

The language of building inaugurations with powerful imagery and vibrant sounds not only expresses an ideology; it creates and furthers it. The social media and the mass media multiplies the effect.

A certain ideology is conveyed and reconstructed, it also colours an entire semiosphere a la Lotman, the very space of meaning generation without which language cannot exist. The language, texts, and codes of the Indian political semiosphere occasionally tilt in favour of the ideology of Hindu nationalism.

There is a critique of the language of Hindu nationalism largely at the periphery. Control over the semiosphere sustains the ideology of Hindu Nationalism and imprints on people's minds. An overcoat covers the dreary, precarious, materialist reality of India's existence.

The paper shall use the many speeches made at the Ram Mandir and the new Parliament building as well as the imageries of the two events to understand the celebration of Hindu Nationalism. The absence or non-absence of those in precarity in the two events betrays the politics of Hindu Nationalism or does not! We shall find.

Аджай Малик, Махбуб Захид (Ajay Malik, Mahboob Zahid)

Центральный университет Раджастана

(Аджмер, Индия)

LANGUAGE IDEOLOGIES AND THE MARGINALIZATION OF HARYANVI IN HARYANA: A SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE

This paper concisely maps the Linguistic Landscape (LL) of the northern Indian state of Haryana. It looks at the presence, distribution, and functionality of languages in street names, advertisements, signage, and institutional settings, including English, Haryanvi (and its variants), Hindi, Punjabi, and Urdu. It also looks into how language use, language policies, and the representation of linguistic identities affect society and politics.

The state's LL is still not academically well recorded. The studies by E Joseph (1986) and Grierson (1928) are archaic and have gaps. Recent contributions have come from Yadav (2003), Ram (2009), Kaushik (2015), Devy (2017), Sangeeta (2020), and Devi (2021). It remains under-documented.

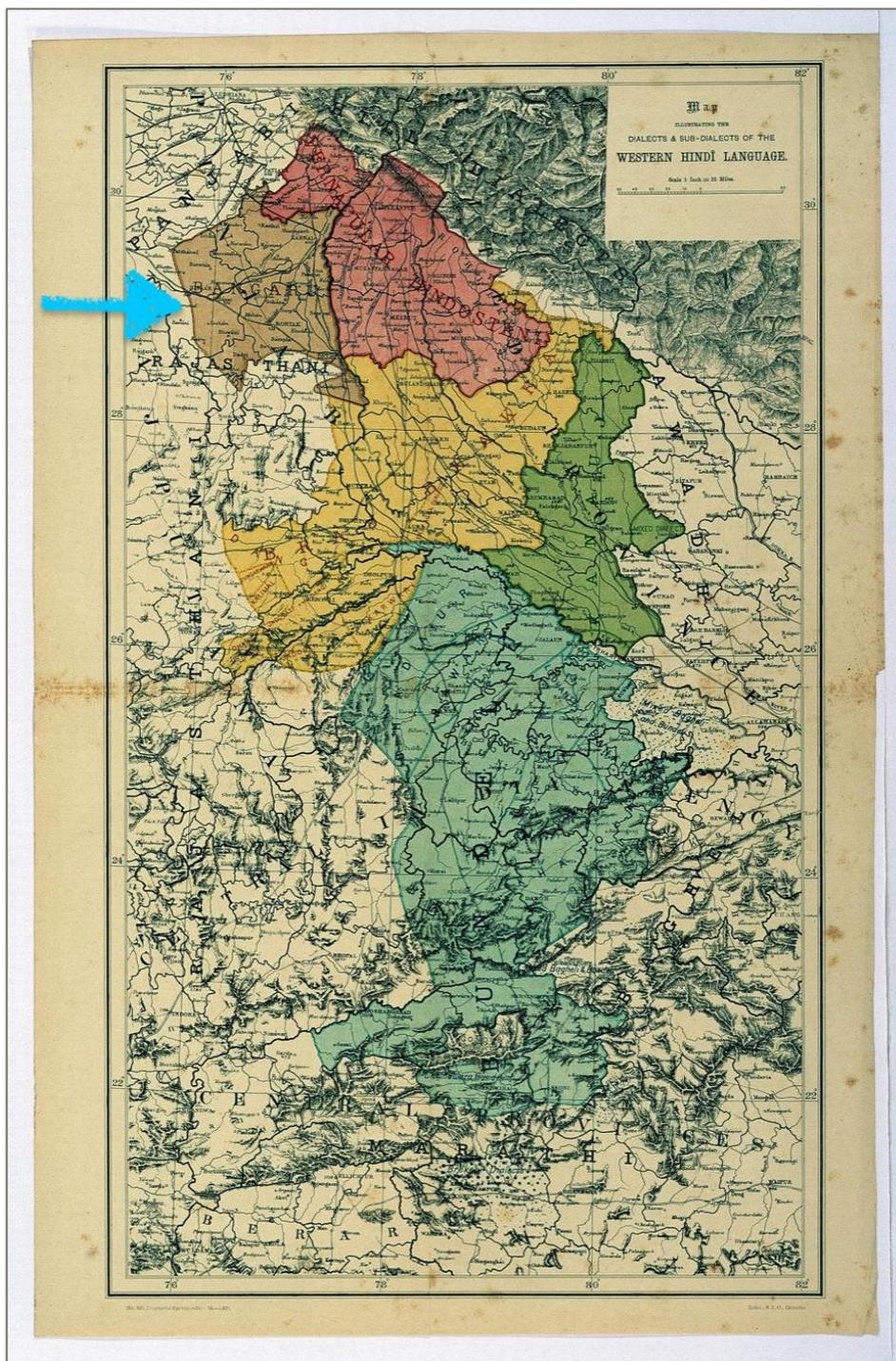
These academics provide theoretical support to the paper: Gordon (2019) and Shohamy (2010), respectively, concentrate on rural and urban LL. Backhaus (2007) specifically examines the language used on signage in public areas. Tufi (2022) discusses practical applications and multidisciplinary research.

The methodology is to explore the visible and invisible manifestations of languages in public spaces, including urban, rural, and educational environments. Data will be gathered through fieldwork, including photographs and interviews, and will then be analyzed to identify language patterns, findings will be interpreted to determine their significance, and the study will conclude with recommendations for additional research and implications.

This paper seeks to contribute to an enhanced understanding of the LL of Haryana and its role in forming language planning initiatives, social cohesiveness, and regional identity. It will result in a greater and better comprehension of multilingualism and plurilingualism in both urban and rural areas. The findings and implications contribute to the broader discourse on LL in the Indian context, and globally for the under-documented regions.

A few linguistic maps of the state of Haryana included in the academic classification are given below (map # 1 and map # 2).

Map #1

Source: Grierson, George Abraham, ed. Linguistic Survey of India. Superintendent Printing India, Calcutta. Volume IX Part I. 1916. URL

Map #2

Source: Devy, Ganesh Narayan, ed. *The Languages of Haryana*. Orient Blackswan. Volume X Part II. 2017.

References

- Backhaus, P. (2007). *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. United Kingdom: Channel View Publications.
- Devi, S., & Mishra, U. (2021). "Dialects of Haryanvi Language: A Comparative Study". *Journal of Advances and Scholarly Researches in Allied Education*, 18(6), 221-223.
- Devy, G. N. (Ed.). (2017). *The Languages of Haryana*. Orient Blackswan.
- Gordon, M. J. (2019). Language Variation and Change in Rural Communities. *Annual Review of Linguistics*. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-011817-045545>
- Grierson, G. A. (Ed.). (1916). *Linguistic Survey of India*. Superintendent Printing India, Calcutta. Volume IX Part I. Retrieved from <https://dsal.uchicago.edu/books/lsl/lsl.php?volume=9-1&pages=843#page/18/mode/thumb>.
- Joseph, E. (1986). *Jatu Glossary: A Manual of the Language of Jats, Also Called "Hariani"*. Cosmo Publications.
- Kaushik, J. N. (2015). *Haryanvi-Hindi Kosh*. Panchkula: Haryana Granth Akademi.
- Ram, G. (2009). "Acoustic Description of Bagri Vowels". Jawaharlal Nehru University, MPhil Dissertation.
- Sangeeta. (2020). "A Linguistic Insight into Hindi and Haryanvi Language". *International Journal of Innovations in TESOL and Applied Linguistics*, 5(3), 9.
- Sharma, V. (2013). *Haryanvi Bhasa ka Byakaran*. Panchkula: Akshardham Prakashan.
- Shohamy, Elana., Barni, Monica., & Ben-Rafael, Eliezer. (Eds.). (2010). *Linguistic Landscape in the City*. United Kingdom: Channel View Publications.
- Tufi, Stefania., Malinowski, David. (2022). *Reterritorializing Linguistic Landscapes: Questioning Boundaries and Opening Spaces*. India: Bloomsbury Academic.
- Yadav, K. C. (2003). *Haryana: History and Culture: Volume 2*. Manohar.

Олюрин Кехинде Элиджа (Olurin Kehinde Elijah)

Тюменский государственный университет

(Тюмень, Россия)

INFLUENCE OF MOTHER TONGUE ON NIGERIAN ENGLISH

This paper is about the impact of mother tongue as language of instruction on Nigerian English in Nigeria schools. Most scholars from Nigeria and other parts of the world analyzing the influence

of mother tongue on Nigerian English agree that the use of mother tongue as a medium of instruction in Nigeria schools is generally a good idea. However, it might affect the Nigerian English negatively, since Nigeria is a multilingual country with different tribes.

This study analyzed educational policy in Nigeria, highlighting the challenges of mother tongue education and future of English language as a medium of instruction. It was noted that the implementation of mother tongue as a means of instruction in school may face some setbacks. The provisions of multilingual education contained in the National Policy on Education are not properly implemented by the majority of teachers, and the government has not taken the implementation of mother tongue instruction seriously.

The study suggests some steps towards solving the problems of mother tongue instruction in schools. These steps include development of more educational resources and orthographies of indigenous languages to meet the demands of multilingual education.

References

Aghenta, J.A. (1984). Towards a systems approach to the planning of secondary education in Nigeria. *Humanity and Social Science Journal*. 3(1): page 26—36.

Blench, R. (2002). Research on minority languages in Nigeria. FEL Newsletter 2001 Ognios. <http://www.rogerblench.info/Language/Africa/Nigeria/Minority%20Languages-%20Nigeria%202001.pdf>

Federal Republic of Nigeria (2004). National Policy on Education (Revised). Lagos, Nigeria: Federal Government Press. <https://www.dailytipsfinder.com/national-policy-on-education-in-nigeria/> *American Journal of Educational Research*. 2015, Vol. 3 No. 7, page 844-848
DOI: 10.12691/education-3-7-7.

Gbenedio, B.U. (1990). Problems of implementing the Nigerian National Language Policy. The case of instruction through the mother tongue at the lower primary classes. *Ekiadolor Journal of Education*. Vol. June p. 47-58. <https://eric.ed.gov/?id=ED360859>

Mohammed, A.M. (2011). TESSA integrated Manual for the re-training of teachers (English Language). Adapted for the FGN/UBE – MDGs 2011. Federal teachers scheme induction/orientation workshop. UBEC. Abuja. *Literacy Information and Computer Education Journal (LICEJ)*, Volume 3, Issue 3, September 2012.

Musa, R. J. (2010). The role of mother tongue education in National Development. *Social Studies and Integrated National Development in Nigeria*, EmmanOsakwe (Ed) p. 75 – 82.
DOI:10.21694/2378-9026.16016

Musa, R. J. (2012). Language Education in primary Schools in Nigeria: Contemporary issues and New Nigeria. LICE Journal, Vol. 3, Issue 3. Volume 2, 2016, 1- 10 Pages
DOI:[10.20533/licej.2040.2589.2012.0099](https://doi.org/10.20533/licej.2040.2589.2012.0099)

Adeyemo, P.O. (1985). Principles and practice of education. Ado-Ekiti: Omolayo Standard Press Nigeria Ltd.
<https://www.globalacademicgroup.com/journals/knowledge%20review/IMPACT%20OF%20MOT%20HER%20TONGUE.pdf>, Volume 30 No. 1, May, 2014

Oguntabe O.H. (2001). The use of proverbs by parents as a means of preventing adolescent delinquency. In R.U.N. Okonkwo and R.O. Okoye (Eds). The Nigeria Adolescent in perspective. Ekwulobia: Theo Onwuka and sons Publishers. Page 94-101.
<https://www.globalacademicgroup.com/journals/knowledge%20review/IMPACT%20OF%20MOT%20HER%20TONGUE.pdf>

Nwadike, I.U. (2002). Igbo language in education: An historical study. Nigeria: Pacific Publishers. http://www.academix.ng/documents/papers/1463491669_1870.pdf

Journal of the Linguistic Association of Nigeria Volume 16 Nos. 1 & 2 2013 (pp. 91-98)

Omebe, S.E. (2002). Counselling the parents for effective provision of learning environment for the Nigerian child. The learning environment of the Nigeria child. Journal of the Nigerian society for Educational Psychologists (NISEP).

ИДЕОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ, ДИСКУРСИВНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИКАХ

IDEOLOGY IN SOCIAL, DISCURSIVE AND LINGUISTIC PRACTICES

Елена Григорьевна Малышева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

(Омск, Россия)

НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПРАКТИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАФОРМАТЫ, БАЗОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ, СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММЫ «МОСКВА. КРЕМЛЬ. ПУТИН»)

В 2019 году исследователь А. К. Михальская определила «новую» пропаганду как «современную политико-риторическую деятельность, организуемую государством (властью) и используемую в целях управления (манипулирования) поведением масс с помощью символического воздействия на эмоционально-оценочную сферу и картину мира массового адресата» [Михальская 2019: 63].

Важно подчеркнуть: воздействие производится разнообразными средствами, часто невербальными: политическая пропагандистская деятельность направлена на эмоционально-оценочную сферу человека. Однако «организуют» эту деятельность, то есть являются субъектами политической пропаганды, не только политики и государственные деятели, но и, прежде всего, так называемые журналисты-пропагандисты.

Сегодня и политики, и журналисты, в том числе «гражданские», продолжают поиск новых медиаформатов, нестандартных технологий и приемов, которые позволят достигнуть базовой цели любого пропагандиста — «управление массовым сознанием, формирование и/или рефреймирование картины мира массового адресата, а также формирование сценариев политического поведения адресата, которые не допускают альтернативной точки зрения, и побуждение адресата к соответствующим политически мотивированным действиям» [Малышева, Роголева 2023: 550].

Итак, в фокусе нашего внимания находится политический пропагандистский дискурс массмедиа, под которым понимается «систематический и повторяющийся процесс производства медиатекстов, который направлен на внедрение в массовое сознание

однозначных и безальтернативных представлений об идеологических доминантах, базовых принципах и идеях определенных политических субъектов» [Там же].

Материалом для данного исследования стал контент еженедельной телевизионной программы журналиста кремлевского пула Павла Зарубина «Москва. Кремль. Путин» (телеканал «Россия 1»). Названная программа — образец авторского нарратива, в котором реализуются базовые коммуникативные интенции медиадискурса: пропагандистская/идеологическая, информационная и развлекательная.

Слоган программы — «мы увидим и покажем больше остальных» — подчеркивает эксклюзивный характер информации, которой делится автор. Формат проекта — хроника одной недели из жизни президента В.В. Путина, изложенная одним человеком и включающая, по выражению Н.И. Клушиной, ««сплав» нарративов» [Клушина 2018: 40], таких как нарративы главного героя, очевидцев событий, экспертов, эксклюзивного видеоряда и т. п.

Одной из содержательных доминант современного государственного политического пропагандистского медиадискурса является концепт-идеологема «Президент России», который объективируется в медиатекстах разных жанров и форматов на различных медиаплатформах.

Заметим, что все составляющие поликодового телевизионного текста исследуемой программы, в том числе её медиаформат, особенности видео- и аудиокода, визуальный образ и речевое поведение ведущего, в целом «работают» на достижение базовой цели — последовательно формировать и/или поддерживать в сознании массового адресата однозначно интерпретируемый медиаобраз президента России, наделенный концептуальными признаками с безусловно положительным аксиологическим модусом, которые организуют полевую содержательную структуру концепта-идеологема «Президент России». При этом особый интерес для изучения представляет объемная интерпретационная часть, которая, прежде всего, при её объективации в телевизионном медиатексте дает возможность эксплицировать оценочные, социально-культурные, идеологические и т. п. концептуальные признаки, которые «закрепляются» в содержании данного феномена и которые часто детерминированы представлениями автора медиатекста о ментальных стереотипах, связанных с образом президента, существующих в массовом сознании.

Литература

Клушина Н.И. Медиастилистика. М.: Флинта, 2018. 184 с.

Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Русский политический пропагандистский медиадискурс:

определение понятия, структура и границы, характеристика субъектов // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 3. С. 544–561.

Михальская А.К. Война слов: риторика и поэтика пропаганды // Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. II / под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 56–77.

Эржен Владимировна Хилханова

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ЯЗЫКИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ: ТОПОСЫ, ИДЕОЛОГИИ, СТЕРЕОТИПЫ

Идеологии, социальные представления, мифы, топосы, стереотипы и т. п. – неотъемлемая часть обыденного (в сходных, но не идентичных терминах – бытового, профанного) сознания. Особую значимость идеологии, как и все подобные ментальные сущности, приобретают в случае массового характера их распространения, поскольку они воплощаются в социальных практиках, включая и языковые [Раевская 2019; Хилханова 2022; Dyers, Abongdia 2014]. Ср., напр., приводимую Н. Д. Голевым иллюстрацию такого широко распространенного в массовом сознании россиян социального представления, как *орфографоцентризм*: в тестах, «спускаемых» Центром тестирования выпускников общеобразовательных учреждений РФ, 26 заданий проверяют орфографию, 13 – пунктуацию и 6 – культуру речи, что вышеупомянутый автор считает «недостойным великого языка» [Голев 2000].

С. Московичи писал о парадоксе психологии: хотя именно индивид сохраняет статус преимущественного объекта научного изучения, в мире творится и используется на практике психология масс <...> роль которых огромна» [Московичи 1998: 11, 17]. Обыденное массовое сознание и «живущие» в нем идеологии, мифы и т. д. – реальная сила, влияющая и на языковые решения и языковое поведение людей. В совокупности с комплексом других факторов они сказываются на выборе и (не)использовании (миноритарных) языков, а в конечном итоге – на их функциональной «жизни» или «смерти». Содержание обыденного сознания, в том числе и языковые идеологии, становилось объектом аналитического рассмотрения на разном

материале. В первую очередь это, безусловно, языковой материал – дискурсы разного рода (научные, публицистические, бытовые разговоры и т. д.), однако в последнее время объектом анализа становится и мультимодальный материал, в частности, городские ландшафты, семиотическая и прагматическая «игра» с цветами, типографикой [Чернявская 2023] и прочими знаками.

В нашем исследовании эта тема рассматривается на материале сетевого дискурса, а именно дискуссий в российских социальных сетях. Для более целенаправленного изучения временные рамки анализируемого материала ограничены преимущественно периодом 2017-2018 гг., когда дискуссии о миноритарных языках были особенно остры и, следовательно, находящиеся в фокусе нашего внимания идеологии, топосы и стереотипы были проявлены наиболее эксплицитно. В целом, материалом для анализа стали 3032 поста-комментария и 12 онлайн-статей / новостей / блогов / интервью о языковой политике и языковой ситуации в России.

Автор опирается на методологию критического анализа дискурса с акцентом на аргументативных схемах и содержательных топосах, обосновывающих взгляды противников поддержки миноритарных языков и их изучения в школе. Акцент на аргументативных схемах такого типа обусловлен как ограниченными рамками доклада, так и большей актуальностью таких топосов и лежащих в их основе языковых идеологий для объяснения продолжающегося исчезновения миноритарных языков России. В докладе будет рассмотрен механизм формирования топосов, порой функционирующий аналогично механизму стереотипизации, а также характер связи топосов с языковыми идеологиями. Такой исследовательский ракурс даст более углубленное понимание социально-психологического механизма того, как зарождаются, передаются и «работают» в обыденном массовом сознании топосы и языковые идеологии. Автор также проводит различие между «экспертным» и «профанным» сознанием: последнее склонно к упрощению, поэтому предпочитает более практичные, «само собой разумеющиеся» и основанные на здравом смысле аргументы.

Литература

Голев Н. Д. [Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка](#) // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 338-348.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / Пер. с фр. -М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998.

Раевская М. М. Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 24–3.

Хилханова Э.В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.

Чернявская В.Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2 (36). С. 50-73. http://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2023&issue=2&article_id=8715 (дата обращения: 03.05.2024). doi: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73.

Dyers C., Abongdia J.-F. Ideology, policy and implementation: Comparative perspectives from two African universities // Stellenbosch Papers in Linguistics. Vol. 43. 2014. P. 1–21. DOI 10.5774/43-0-157.

Ольга Анатольевна Казакевич

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ НОСИТЕЛЕЙ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Доклад посвящен противоречиям в языковых идеологиях носителей и не-носителей языков Сибири и Дальнего Востока, находящихся под угрозой исчезновения, и анализу возможных причин этих противоречий. Материалом служат социолингвистические анкеты (более 5000) и глубинные интервью (около 150), полученные от членов локальных групп селькупов, кетов, эвенков, долган, лесных энцев, лесных ненцев, ительменов, коряков, эвенов, уильта (ороков), нивхов на протяжении последних 30 лет.

Анкеты, которые использовались при опросе, были прежде всего нацелены на получение информации о лингвистической биографии респондентов (при этом косвенным образом выявлялись и данные о языковых идеологиях), однако они содержали также вопросы, непосредственно связанные с языковыми идеологиями (Какие языки нужны / понадобились Вам в течение жизни? и Какие языки нужны / будут нужны Вашим детям и внукам?)

Среди респондентов есть те, кто считает, что этнический язык вряд ли нужен им самим, а тем более их детям. Однако таких явное меньшинство. Другая группа считает, что язык безусловно нужен им самим, но уже вряд ли будет нужен их детям. Третья группа – это те, кто полагают, что этнический язык нужен и им, и их потомкам для того, чтобы чувствовать свою принадлежность к народу, говорящему на этом языке. Кроме символической ценности этнического языка некоторые респонденты отмечают и его прагматическую ценность: он может служить для тайной коммуникации внутри сообщества, этим языком владеющего.

Интересно, что ответы на два указанных вопроса довольно часто вступают в противоречие с ответами на некоторые другие вопросы анкеты. Так, большинство респондентов, владеющих своим этническим языком и считающих язык необходимым детям, никогда не говорили дома со своими детьми на этом языке. Откуда возникает это противоречие? Почему «теоретическая» нужность языка не переходит в практическую передачу языка детям даже у языковых активистов и школьных учителей родных языков? В докладе будут рассмотрены причины подобных противоречий, прежде всего те, о которых эксплицитно говорят респонденты в анкетах и интервью, но также и те, что выявляются при анализе языковых биографиях респондентов.

В заключение мы обсудим возможные пути повышения мотивации к преодолению противоречий в языковых идеологиях носителей и не-носителей исчезающих языков региона.

Ульяна Викторовна Смирнова

Московский государственный педагогический университет

(Москва, Россия)

НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Формирование и развитие национально-культурной идентичности является актуальным геополитическим вызовом современности. Однако наряду с разработанностью вопроса национально-культурной идентичности в психологии, политологии и педагогике, где были установлены уровни, компоненты и аспекты, собственно лингвистических исследований по проблематике вопроса не так много. В контексте текущего времени культуры требуют осмысления новые концептуальные понятия в российском политическом дискурсе, которые

вводятся как идеологические ориентиры.

Методологической базой исследования служат понятие дискурса как архива высказываний [Фуко 1977], анализ дискурса как исследование социальных и когнитивных практик [Dejk 1985], функционирование языка в политике и идеологии [Никольский 1986], основы аксиологической лингвистики [Карасик 2013], работы по публичной дипломатии, медиабренду страны (S. Anholt, главный редактор журнал «Public diplomacy and place branding»), исследование медиабренда России [Грейдина 2022], лингвокультурологическое терминоведение [Иконникова 2014].

Точкой отсчета появления идеологических ориентиров, формирующих новый образ России, можно признать «Мюнхенскую речь» В. В. Путина (2007 г.) [Режим доступа: <https://dzen.ru/video/watch/65cd1dcc0e07b00ed0b4fa3e>], хотя, как покажет анализ, ключевые термины начали рассеиваться в дискурсе, начиная с обращения В. В. Путина после трагедии в Беслане (2004 г.) [Режим доступа: <https://ok.ru/video/9248703932>]

Политический дискурс на материале выступлений Международного клуба «Валдай» и общественно-политических речей В.В. Путина в период после событий 2014 г. в Крыму иллюстрирует процесс формирования аксиологических ориентиров национально-культурной идентичности «суверенитет», «образование», «историческая память», «научно-техническое превосходство», «единство многонационального государства», «духовность», «семья», а также появление терминов «Русский мир», «страна-цивилизация», где цивилизационное государство (в отличие от национального государства) предполагает существование государства в более крупном измерении, нежели чем отдельная нация.

Важно отметить, что термины «Русский мир», «страна-цивилизация» эволюционировали в российском политическом дискурсе. Так, в Крымской речи В. В. Путина [Режим доступа: <https://ok.ru/video/20442843732>] встречается понятие «обширного восточнославянского мира», в выступлении на Всемирном конгрессе соотечественников в 2015 году [Режим доступа: https://vk.com/video-64179184_171694013?ref_domain=yandex-video.naydex.net] «русский мир» пишется с маленькой буквы (консолидация русского мира) и не является терминологической единицей, в 2018 году дается определение понятию «русский мир», «который никогда не строился исключительно и только по этническому, национальному и религиозному признаку... этот мир объединяет всех, кто чувствует себя духовно связанным с Россией, кто считает себя носителями русского языка, культуры, русской истории» [Режим доступа: https://vk.com/video-150020650_456239901?ref_domain=yandex-video.naydex.net], в 2022 году в Указе № 611 [Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>] закреплено

написание термина «Русский мир» с большой буквы, а в 2023 году [Режим доступа: https://vk.com/video-147097724_456241956?ref_domain=yandex-video.naydex.net] границы термина уточняются и включают прецедентные имена «Древняя Русь», «Московское царство», «Российская империя», «Советский Союз», демонстрирующие преемственность ценностных ориентиров.

Анализ документов, в которых встречаются термины «Русский мир» и «страна-цивилизация», показывает, что термин «Русский мир» в большей степени адресован аудитории за территориальными границами России, а термин «страна-цивилизация» ориентирован на внутреннюю аудиторию.

Литература

Грейдина Н.Л. (2022). Коммуникативное пространство культуры. Эссенцуки: Издательский дом. 458 с.

Иконникова В.А. (2014). Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии: на материале терминосистем Англии, Шотландии и США: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04 / Иконникова Валентина Александровна. Моск. пед. гос. ун-т. М. 495 с.

Карасик В.И. (2013). Языковая матрица культуры. М.: Гнозис. 318 с.

Никольский Л.Б. (1986). Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М.: Наука. 194 с.

Фуко М. (1977). Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс. 488 с.

Dijk T. Van. (1985). Handbook of discourse analysis. London: Academy Press. 302 p.

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

**ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ:
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МАРИЙСКИХ ИДИОМОВ
В СТАРЫХ⁵ И НОВЫХ ДИАСПОРАХ**

Марийцы, коренное финно-угорское население Среднего Поволжья, проживают компактными или дисперсными группами за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл (см. [Сепеев 2006]), образуя старые и новые диаспоры [Куцаева 2023]. Ср. марийское население РФ — 423 803 чел., из них проживают в Марий Эл 246 560 чел., Башкортостане — 84 988 чел., Татарстане — 15 666 чел., Москве и Московской области — 3 165 чел. [ВПН]).

В целях выявления и описания функционирования марийских идиомов в условиях диаспорного проживания группы в 2019–2021 гг. было проведено социолингвистическое обследование марийцев московского региона, а в настоящее время реализуется проект «Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах». В местности компактного проживания марийского населения (Республики Башкортостан и Татарстан), в соответствии с [Закон РФ о языках, Ст. 3 п. 4], марийский используется в некоторых официальных сферах общения — в отличие от московского региона, где марийцы расселены дисперсно. Однако общим проблемным местом в старых и новых диаспорах представляется вопрос внутрисемейной передачи этнического языка подрастающему поколению.

Семейная языковая политика формируется под воздействием внутренних и внешних факторов [Spolsky 2021: 18–23], определенное влияние оказывают языковые идеологии. Языковые идеологии воздействуют имплицитно на подсознательном уровне и манифестируются через отношение, предубеждение, предрассудок относительно языка, языкового варианта, носителей того или иного идиома. Они выражаются в форме языковых аттитюдов. Аттитюды представляют собой «мостик» между идеологиями и выбором языка [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 106]. Схема «языковые идеологии»>> языковой аттитюд>> языковой выбор» является в некоторой степени обобщением (что подразумевает неизбежное упрощение и возникновение нюансов в каждом конкретном случае), однако оперирование

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-28-00157.

данной схемой позволяет вскрыть глубинный механизм, лежащий в основании выбора / невыбора или передачи / непередачи этнического языка [Куцаева 2022: 34].

Ключевые идеологии, влияющие на речевые практики носителей марийских идиомов, — идеология легитимности и идеология анонимности. Идеология легитимности культивирует связь между языком и принадлежностью к социальной или этнической группе: традиционные носители в качестве полноправных владельцев наделены полномочиями закреплять *аутентичный* и *настоящий* вариант языка, то есть языковая аффилиация обусловлена скорее принадлежностью к группе, а не собственно языковой компетенцией; их авторитет признан и другими членами группы [Grenoble, Whaley 2006: 166]. Идеология анонимности связана с убеждением, что определенная форма языка, обычно используемая наиболее мощной группой в обществе и закрепленная в системе школьного образования, признается большинством в качестве исключительной и престижной [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 105]. У говорящих на больших языках отсутствует необходимость иметь связь с определенной местностью и даже культурой, чтобы быть принятыми другими членами сообщества [Woolard 2008, цит. по Smith-Christmas et al. 2018: 159]. Языковые идеологии укоренены в обществе, воспроизводятся и воспринимаются в качестве естественных и здравых суждений, маскируют процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas et al 2018: 25]. Эти убеждения передаются через различных агентов, включая учителей, ровесников, семью, СМИ, др. [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 106]. В докладе будут приведены полевые наблюдения автора, свидетельствующие о доминирующих в марийском сообществе языковых идеологиях, состоящих в дихотомической связи [Куцаева 2022].

Языковые идеологии касаются не только языка, они устанавливают связь языка с идентичностью, способствуют укреплению самого понятия личности и социальной группы [Woolard 1998: 3] — а значит, важным представляется изучение идеологий, необходимых для ревитализации языка (об этом. см., например, [Pasanen 2018: 369–370]). На материале марийских идиомов в Москве будут рассмотрены конкретные примеры изменения языковых идеологий.

Литература

Всероссийская перепись населения. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. Дата обращения: 15.08.2024.

Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-І. «О языках народов Российской Федерации» // Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/?ysclid=lkfo0vnm1h247729371

Куцаева М. В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, № 2. С. 5–34.

Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022, № 63. С. 30–44.

Куцаева М. В. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона) // Урало-алтайские исследования. 2023, № 4 (51). С. 54–79.

Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.

Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Olko J., Sallabank J. (eds). Cambridge: Cambridge University press, 2021. P. 104–116.

Grenoble L. A., Whaley L. J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.

Pasanen A. “This Work is not for Pessimists”: Revitalization of Inari Sáami Language // The Routledge Handbook of Language Revitalization. L. Hinton, L. Huss, G. Roche (eds.). New York and London: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. P. 364–372.

Smith-Christmas C., Ó Murchadha N. P., Hornsby M., Moriarty M. (eds.). New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. 2018. London: Palgrave Macmillan. 295 p.

Spolsky B. Rethinking Language Policy. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2021. 272 p.

Woolard K. Language Ideology as a Field of Inquiry // Language Ideologies: practice and theory. B. B. Schieffelin, K. A. Woolard, P. V. Kroskrity (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 3–47.

Баирма Жамьяновна Цыбденова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

(Улан-Удэ, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ БУРЯТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Языковые идеологии широко разрабатываются и исследуются в западной науке и представляют междисциплинарный исследовательский интерес в области антропологии,

лингвистики и, следовательно, имеются разные дефиниции и интерпретации, сферы применения в зависимости от аспекта исследования.

Австралийский исследователь А. Рамси отождествляет языковые идеологии с «набором самых общих представлений о природе языка, отвечающих здравому смыслу и разделяемых представителями конкретного лингвокультурного сообщества» [Rumsey 1990: 347]. Антропологические исследования языковых идеологий подчеркивают необходимость изучения данных интеллектуальных конструктов и их роли в культуре, исходя из их социокогнитивного характера.

Изучение языковых идеологий включает анализ сознательной составляющей языковой деятельности носителей языка, их способности осознать собственное влияние на происходящие языковые изменения. Рассматривая языковые идеологии в таком ключе, американский лингвист и антрополог М. Сильверстайн определяет их как «совокупность убеждений о языке, сформулированных пользователями этого языка для рационализации или обоснования субъективного восприятия его структуры и особенностей применения» [Silverstein 1979:194]. Американский антрополог Ш. Хит подчеркивает социокультурные факторы языковых идеологий и понимает языковые идеологии как «самоочевидные идеи, которых придерживается группа людей в отношении роли языка как компонента социального опыта, и которые используются членами этой группы в целях самовыражения» [Heath 1977: 56]. Английский лингвист Дж. Ирвин понимает языковые идеологии как «культурно обусловленную систему идей о социальных и языковых отношениях вкупе с моральными и политическими контекстами, лежащими в основе таких идей» [Irvine 1989: 253]. Очень емкую и четкую дефиницию языковых идеологий дала Гришечко О. С.: «Языковые идеологии представляют собой концептуальные представления о языках, носителях этих языков, а также применяемых ими дискурсивных практиках. Как любая идеология, языковая идеология несет на себе отпечаток этических и политических интересов, формирующихся в социокультурном контексте. Именно поэтому исследование языковой идеологии подразумевает изучение языка, культуры и политики как единого комплекса с целью определения роли, приписываемой языку его носителями в разрезе их социокультурных представлений. Языковые идеологии разнообразны по своей природе, так как определяются внутри отдельных лингвокультурных сообществ, каждое из которых имеет собственные представления и стандарты дискурсивных практик. Языковая идеология не может быть статичной, так как обуславливающие ее специфику социокультурные параметры всегда находятся в процессе динамического развития» [Гришечко 2017: 6].

Для изучения языковой идеологии, языковых практик и конструирования этнической идентичности бурятской молодежи, проживающей в Республике Бурятия, нами использовались социологический опрос (анкетирование) и структурированное интервью представителей бурятской молодежи в возрасте от 14 до 35 лет (количество опрошенных - 50). Исследование проводилось в течение 2 месяцев (август-сентябрь 2024 г.). Использовались частично структурированные интервью о сохранении, поддержании родного языка, отношении, установок по отношению к изучению и использованию языка, социальных, этнических и языковых практиках. Данное исследование является актуальным для повышения осведомленности о языковых проблемах бурятского народа.

Литература

Гришечко О. С. Языковая идеология: теория описания и практика воплощения. // Языкознание. ISSN 1997-2911. № 11 (77) 2017. Ч. 2.

Heath S. B. Social History // Bilingual Education. 1977. Vol. 1. P. 53-72.

Irvine J. T. When Talk Isn't Cheap: Language and Political Economy // American Ethnologist. 1989. Vol. 16. P. 248-267.

Rumsey A. Wording, Meaning, and Linguistic Ideology // American Anthropologist. 1990. Vol. 92. № 2. P. 346-361

Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. 248 p.

Антон Игоревич Соболев

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

(Петрозаводск, Россия)

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИЗУЧЕНИЕ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ

Субстрат – совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних закономерностей развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от заимствования, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию коренного населения

через стадию двуязычия [Языкознание: Большой энциклопедический словарь 1998: 497].

Бессубстратные языковые и этнические территории – сомнительное или исключительно редкое явление [Трубачев 1982: 14; Матвеев 1993: 86].

Связанные с языковым субстратом вопросы в первую очередь могут быть решены с помощью изучения географических названий. Так, А. К. Матвеев отмечал, что «наиболее показательны проявления субстрата именно в области топонимии, особенно принадлежащей отдаленно родственным или вообще не родственным языкам (славянская топонимия в Германии, финно-угорские географические названия на Русском Севере)» [Матвеев 2001: 107].

Однако незнание специфических закономерностей топонимики приводит к ошибочным выводам. Субъективные факторы, приводящие к ошибочным интерпретациям топонимов, обобщаются в [Матвеев 2010], принципы повышения достоверности этимологий топонимов и антропонимов предложены в [Соболев 2021: 113].

А.К. Матвеев отмечая, что «в этическом плане грань между наукой и ненаукой иногда очень тонка», подчеркивал, что «в лженауке почти всегда (исключая бредовые сочинения шизофреников, тоже довольно многочисленные), кроме вымысла есть и прямой умысел, преднамеренность, нарочитость установки, будь то корысть, или ложный патриотизм, ... или жажда утвердиться». К субъективным факторам в научных топонимических исследованиях он относил следующие: топонимический непрофессионализм; разные формы местного и этнического патриотизма (крайняя форма – автохтонизм, не предполагающий наличия предшественников на территории); предвзятость, в результате которой исследователь находит в топонимии только то, что хочет найти; влияние других наук; заикленность, гиперувлеченность. Сюда же добавим крайний примордиализм и наличие представлений о невозможности языкового сдвига. А.К. Матвеев совершенно верно подытоживал, что «обычно субъективные факторы действуют, образуя комплексы. Наиболее опасно сочетание местного и этнического патриотизма с предвзятостью. Оно нередко приводит к использованию топонимии в политической борьбе, когда топонимическими данными оперируют, чтобы обосновать претензии на соседние территории, изменение границ и т.п.» [Матвеев 2010].

Результатом действия комплекса субъективных факторов являются основанные на случайных созвучиях санскритские этимологии топонимов Северо-Запада России (далее – Северо-Запад), предлагаемые приверженцами так называемой арктической гипотезы. С критикой подобных этимологий выступал А.Л. Шилов, приводя сопоставления из работы С.В. Жарниковой типа *Гангозеро* (Карелия) – р. *Ганг* (Индия) и с сожалением отмечал, что

соответствующая гипотеза попала даже на страницы центральной прессы [Шилов 1999: 102]. За прошедшие с того времени 25 лет сопоставление субстратных топонимов Северо-Запада с индийскими топонимами как одно из доказательств северной прародины ариев нашло свое место в весьма широком спектре научных, научно-популярных и публицистических изданий. Более того, имеются случаи издания междисциплинарных сборников лженаучных трудов и попыток их авторов воздействовать на принятие управленческих решений.

Вместе с тем совершенно очевидно, что несостоятельны не только санскритские этимологии топонимов Северо-Запада, но и сама арктическая гипотеза (см., например, ее критический разбор в [Шнирельман 2015: 196–201]).

При этом представление ариев, якобы проживавших на Северо-Западе, в качестве языковых или физических предков русского народа не только противоречит накопленному научному знанию, но и дисгармонизирует межэтнические отношения. Причем с помощью «санскрита» (порой не имеющего отношения к реальному языку) объясняются не только субстратные, но и (древне)русские, ранние восточнославянские названия (*Двина*, *Сухона*, *Раменье* – якобы от *Ра* = Солнце), топонимы, возникшие в советское время (*Нарьян-Мар* – якобы санскритское ‘святилище бога любви’, а не ненецкое ‘красный город’).

Литература

Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 86–95.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Уральский университет, 2001. 346 с.

Матвеев А.К. Субъективные факторы и лженаука в топонимических исследованиях // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 110–117.

Соболев А.И. О повышении достоверности ономастических этимологий (на материале Юго-Восточного Обонежья) // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 9–40.

Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 10–26.

Шилов А.Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 100–114.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1 / РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 530 с.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е издание.

М.: БРЭ, 1998. 682 с.

Эльвина Ахнафовна Салихова

(Нефтекамск, Россия)

СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ ДЕСТРУКТИВНЫХ СМЫСЛОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Социопсихолингвистический подход заключается «в изучении влияния социальных характеристик коммуниканта на его речевую деятельность, механизма кодового переключения, языковой социализации и других аспектов взаимодействия человека и социума, человека и мышления посредством различных инструментов – методов сбора материала, способов работы с испытуемыми в экспериментальных условиях и других» [Миронова, 2014: 83]. Обратимся к социопсихолингвистическому механизму воздействия на личность деструктивных смыслов, массовое распространение которых стало характерной чертой современной цифровой среды.

Под «цифровой средой» автор понимает то виртуальное пространство, в котором происходит создание, обработка и передача информации посредством компьютерных и телекоммуникационных систем; понятие «деструктивного смысла» сводится к его трактовке как иерархично организованной структуры единой коммуникативной программы, ориентированной на разрушение/искажение известного под влиянием иных интенций. Лингвоэкспертологический опыт автора приводит к выводу о том, что цифровая среда по законам «окон Овертона» может кардинально трансформировать социокультурную жизнь, изменяя на противоположные традиционные «картины мира» аудитории, общегуманитарные константы, наполняя иным содержанием представления людей об отечественной истории, традициях народа, семейных ценностях, любви, справедливости, дружбе. Для социолингвистики и психолингвистики важным представляются цифровые возможности для понимания и осознания воздействий скрытых смыслов на личность и его сознание, на людей и коллективное сознание.

Благоприятными условиями, способствующими тиражированию деструктивных смыслов становятся не только «способы анонимной коммуникации, создания закрытых и полузакрытых интернет-платформ» [Адамьянц 2022: 9], но и (психо)лингвистические факторы – эврисемия, семантическая опустошенность отдельных единиц, использование

«золотого сечения» текста как зоны бесконтрольного влияния на сознание.

Социопсихолингвистическая концепция позволит адекватно интерпретировать информацию, которая в зависимости от интенции коммуникатора и используемых им технологий (вербальных или фото-видео-аудио средств в социальных сетях, интернет-платформах, гаджетах) доводится до аудитории. Объектом научного изучения в связи с активным интернет-общением становится поликодовый текст, воздействующий на разные каналы восприятия человека.

Полагаем, что уровни деструктивной имплицатуры «пронизывает» некая проблемная ситуация, с поиска которой начинается анализ, при этом важно понимать, что при общем алгоритме доведения смысла, каждая отдельная языковая единица имеет свойственную только ей модификацию мотивационно-целевой структуры, и, значит, проблемную ситуацию. Обязательным, исключая множественность смыслов в восприятии людей без навыков социальной коммуникации, остается реальный или скрываемый материал. Восприятие аудиторией «манипулятивных продуктов» обеспечивается способностями недобросовестных цифровых пользователей. Работа манипулятивного механизма заключается в том, что коммуникатор, следуя задуманному многоэтапному алгоритму, создает выгодные ему деструктивные смыслы и подстраивает их под конструируемую реальность, доводимую посредством цифровых технологий до потребителя

Деструктивный эффект от применения цифровых возможностей огромен: достаточно сослаться на исследования [Адамьянц 2022; Salikhova 2021], иллюстрирующие негативное отношение разновозрастной аудитории к отечественным СМИ, объясняющим позицию страны и власти. Обращение, в частности, молодежи к новостным лентам имеет следствием то, что она воспринимает прежде превалирующую в этом источнике оппозиционную информацию.

Целесообразными представляются рекомендации по профилактике или проведению мероприятий с «жертвами» деструктивных смыслов, связанных с развитием навыков понимания в сфере социальной коммуникации, снятием коммуникационных барьеров в процессах социализации, созданием благотворных условий для открытых Интернет-платформ как социокультурных сред с общими ценностями.

Литература

Адамьянц Т.З. (2022). Коммуникационные механизмы создания и распространения смыслов деструктивной направленности в цифровую эпоху // Трансформация этической

матрицы в цифровую эпоху. М.: МАКС Пресс. С. 9–17.

Миронова Н.И. (2014). Социопсихоллингвистика: объект и предмет науки // Вопросы психоллингвистики. № 2 (20). С. 81–89.

Salikhova E.A. (2021). The influencing potential of the conflictogenic media space in the aspect of legal culture / E.A. Salikhova, T.M. Rogoznikova // SHS Web Conf. Volume 109, 2021: LISID-2020. Volgograd, Russia. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20211090103>

Мария Алексеевна Степанова

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ

(Москва, Россия)

UNE QUERELLE D' ALLEMAND.

«НЕМЕЦКАЯ ССОРА» КАК ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП

В докладе представлен пример этнической стереотипизации немцев французами на примере словосочетания „une querelle d'Allemand“ («немецкая ссора») с точки зрения исторического контекста и этнокультурного взаимодействия в современных условиях. Идеологический аспект стереотипизации проявляется на уровне восприятия немцами приписываемой им характеристики с позиции желательности или нежелательности их оценки как сварливых, гневливых соседей, склонных к мелочным ссорам.

Под этническим стереотипом мы подразумеваем принадлежность стереотипа к тому или иному этносу, отнесённость его специфических характеристик к базовым представлениям об этом этносе, которые формируются под влиянием опыта взаимодействия с ним у представителей других этносов, либо под влиянием некоторых распространённых предрассудков. Актуальность изучения этнических стереотипов обусловлена полиэтничностью современного общества, признаками этнокультурной трансформации и проблемами межкультурного взаимодействия. Исследуются дискурсивные практики употребления и значение данного этнического гетеростереотипа для немецкого общества. В рамках когнитивной лингвистики используются методы концептуального и контекстного анализа, а также метод культурного сценария в понимании А. Вежбицкой, которая исследовала эмоциональную природу концептов на основе немецких «культурных правил»

или «культурных сценариев (cultural scripts)» [Вежбицкая 2001: 159–212]. В связи с этим нам представляется возможным применить метод описания культурного сценария к ситуации ссоры как эмоционального состояния, имея в виду проявления в данной ситуации стереотипа-поведения и стереотипа-представления [Красных 2003: 231–232].

Предлагается ретроспективный обзор этимологии и семантики данной идиомы и оценка перспектив её этнокультурной трансформации в иноязычном дискурсе. В прагматическом аспекте раскрывается функция этнического стереотипа как средства создания напряженности или поиска точек соприкосновения этнокультурных общностей. С этой целью анализируются не только словарные дефиниции, но и контекстные примеры употребления данной лексемы во франкоязычном, русскоязычном и немецкоязычном дискурсе.

На уровне восприятия стереотипов, когнитивном и эмоционально-ценностном, показаны варианты интерпретации «немецкой ссоры» в контексте и значение определенного выбора стилистической коннотации. Данный пример стереотипизации видится в современном немецкоязычном дискурсе как упрощение восприятия немцев, их этноса, поведения и культуры, при этом сами немцы не разделяют эту оценку. Практическая значимость выводов о возможностях сознательного моделирования культурного кода заключается в своевременном предупреждении повышенного уровня напряженности в международных отношениях благодаря распознаванию этностереотипов, экологичным способам самовыражения в обход шаблонов и этнофобии. Исследование может быть продолжено в направлении изучения концептов «спор» и «ссора» в немецкоязычном языковом и культурном пространстве.

Литература

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики: сборник / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки русской культуры, 2001. 272 с. – ISBN 5-7859-0190-0

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с. ISBN: 5-94244-004-2

Данилов Игорь Альбертович

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

(Якутск, Россия)

ЭТНИЧЕСКИЕ РУССКИЕ В ЯКУТИИ: ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЯКУТСКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ПОТОМКОВ ГОСУДАРЕВЫХ ЯМЩИКОВ)⁶

В рамках исследования языкового самочувствия русского населения Якутии были предприняты экспедиционные выезды в населенные пункты Хангаласского района, где компактно проживают потомки государевых ямщиков. Особое внимание уделили селам Тит-Ары и Булгунняхтах, где этнические русские находятся в постоянном культурном взаимодействии с якутоязычным населением. В данной социокультурной среде русское население демонстрирует высокий уровень якутско-русского двуязычия, при котором якутский язык активно функционирует и признается в качестве родного языка. Этот феномен поддерживается через активную межпоколенную передачу языка, что подчеркивает важность лингвистического наследия для данной этнолокальной группы.

Противоположную картину можно наблюдать в более урбанизированных населенных пунктах Бестях и Мохсоголлох, расположенных в близости к гг. Покровск и Якутск. Здесь якутский язык сохраняется в основном среди старшего поколения этнических русских, в то время как младшие возрастные группы демонстрируют значительное снижение уровня владения этим языком, что находит отражение и в их языковой идентификации. Исследование показывает, что это связано с доминирующим статусом русского языка в публичных сферах общения, что способствует укреплению его положения как основного коммуникативного инструмента.

Как интересный момент, стоит отметить, что, несмотря на уменьшение функционального использования якутского языка в молодежной среде, представители всех возрастных групп выражают позитивное и уважительное отношение к якутскому языку, признавая его культурное и историческое значение для этнолокальной группы русских и статус государственного языка в Республике Саха (Якутия).

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20392, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>.

Борис Андреевич Шишкин

Северо-Кавказский федеральный университет

(Ставрополь, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ В ГАРМОНИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (СКФО)⁷

Данное исследование направлено на экспликацию тенденций в гармонизации сетевой коммуникации, продуцируемой в регионах СКФО в рамках виртуальных медиа, а именно в государственных и негосударственных интернет-сообществах двух социальных сетей: Telegram и ВКонтакте. Материалом исследования послужили данные, полученные в процессе мониторинга, проведенного с мая по июнь 2024 года. Методом сплошной выборки был сформирован исследовательский корпус, включающий публикации, содержащие нарратив гармонизации, из интернет-сообществ пяти регионов: Ставропольский край, Северная Осетия-Алания, Дагестан, Карачаево-Черкесская республика, Кабардино-Балкарская республика.

В рамках виртуального медиадискурса выстраивается непрерывный процесс взаимодействия, основанный на свободе самовыражения. Подобный характер способствует близкому контакту адресата с адресантами и продуцируемыми ими материалами. Однако это также расширяет область применения деструктивных паттернов коммуникации. Данная проблематика имеет особое значение на Северном Кавказе — полиэтничном и поликонфессиональном регионе с яркой культурной и языковой дифференцированностью. В итоге на территории СКФО повышается вероятность появления агрессии вследствие намеренного или случайного столкновения индивидов по причине межнациональных и межконфессиональных разногласий, что обуславливает использование коммуникативных тактик гармонизации с целью снижения различных проявлений конфликтности.

Поскольку погашение конфликта особенно значимо для полиэтничных и поликонфессиональных регионов Российской Федерации, исследование представляется важным осуществить в парадигме прямой зависимости формирования гармоничной коммуникации с продвижением российских идей в виртуальном пространстве. В результате можно выделить следующие тактики гармонизации: тактика № 1 — позитивная репрезентация российских цивилизационных констант; тактика № 2 — позитивная репрезентация образов

⁷ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

исторической и современной России; тактика № 3 — межнациональный диалог и сотрудничество; тактика № 4 — межконфессиональное сотрудничество и позитивная репрезентация конфессий; тактика № 5 — продвижение различных социальных работ и решение социально значимых задач.

В процессе анализа были выявлены основные тенденции в употреблении обозначенных выше тактик в пяти регионах (см. рис. 1). Как можно заметить, на всех территориях доминируют две закладываемые интенции: продвижение объединения, основанного на решении социально значимых задач, и репрезентация российских цивилизационных констант. Подобное распределение может свидетельствовать о получении ими особого статуса, который также характеризуется возможностью совместной реализации.

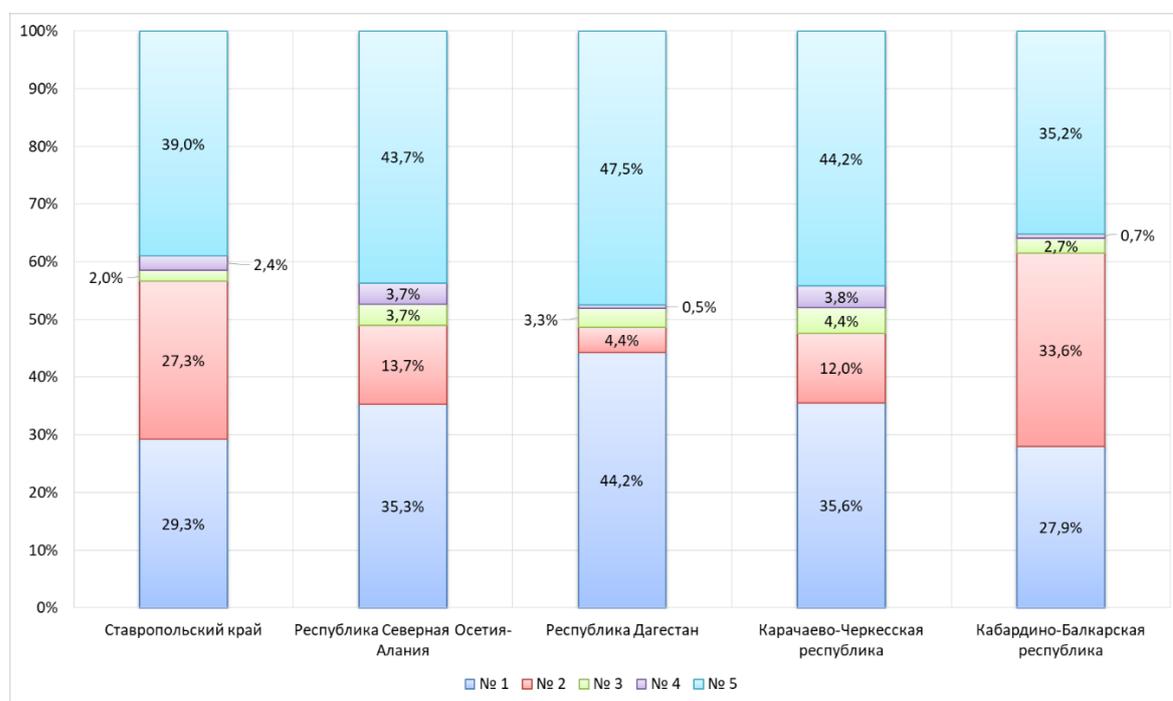

Рис. 1. Частотность употребления тактик гармонизации в регионах СКФО

Остальные тактики применяются достаточно редко и, соответственно, вносят малый вклад в гармонизацию сетевой коммуникации. Однако в Кабардино-Балкарской республике наблюдается значительный перевес в репрезентации образов исторической и современной России, что связано с наличием специальной рубрики, направленной на освещение данной тематики. Использованию тактик межнационального диалога и позитивного образа конфессий уделяется малое внимание во всех регионах. Первая получает своё значительное распространение в объединяющих нарративах совместно с цивилизационными константами, а вторая осуществляется в рамках образовательной и информационной деятельности,

посвященной как тематике православия, так и мусульманства.

Таким образом, тенденции в частотности употребления анализируемых тактик указывают на первооснову гармоничной коммуникации, выраженной в продвижении российских цивилизационных констант, их позитивной репрезентации и отождествлении с социально значимыми мероприятиями. Всё это дополнительно подкрепляется объединяющей интенцией, заложенной в публикациях исторической, этнической и религиозной тематики.

Сергей Николаевич Бредихин

Северо-Кавказский федеральный университет

(Ставрополь, Россия)

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ КАК СИНТОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ СЕТЕВОГО ПРОВОКАТИВНОГО ДИСКУРСА⁸

Ключевой проблемой, подлежащей разработке в настоящем исследовании, явились механизмы гармонизации провокативного сетевого дискурса. В качестве базового методологического подхода применялся дискурсивно-модусный анализ [Alefirenko 2022: 3], позволяющий вскрыть топикальные, темпоральные и ситуативные зависимости имплементации наднациональных идеологем как синтонов, гармонизирующих потенциально конфликтную коммуникацию в социальных сетях полиэтничного фронтального региона Северного-Кавказа, а также делимитировать исходные иллокуции и наднациональные и надконфессиональные аксиологические компоненты при использовании идеологем социальной, цивилизационной и языковой идентификации. В качестве материала исследования на основе метода стратифицированной выборки был сформирован исследовательский корпус, включающий три подкорпуса локальных сетевых сообществ на платформе социальной сети Telegram: 1) сообщества Ставропольского края, 2) сообщества Карачаево-Черкесской республики, 3) сообщества Кабардино-Балкарской республики. При этом в качестве главного условия отбора послужили характеристики конфликтности исходного инфопова, определяемые на основе присутствия в них элементов языка вражды,

⁸ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

а также тематическое единство провокативного дискурса.

Современное пространство сетевого взаимодействия отличается полидискурсивностью и полимодальностью экспликации компонентов исторической памяти, преломленных призмой индивидуальной концептуально-валёрной системы участников коммуникации. Условным критериальным признаком выделения единого дискурсивного события в провокативном дискурсе онлайн взаимодействия в социальных сетях выступает тематическая детерминация всех элементов стимул-реактивного взаимодействия (единый инфоповод в инициальной статье, первичных и реактивных комментариях и т. д.), создающая топикальное единство гипертекста [Бредихин, Каменский, Шибкова 2024: 110]. На наш взгляд именно дискурсивное пространство социальных сетей, в которых происходит максимальная интенсификация провокативных компонентов при попытке создания единого пространства делиберации, представляется той областью влияния на коллективное сознание, в которой осуществляется модификация внутренних значимостей контркоммуникантов и возникает (по крайней мере в идеальных случаях) единая сфера их пересечения — область релевантности и синергии модусных векторов.

Рассматриваемые сетевые сообщества представляют собой гетерогенные конгломераты локально дискретных акторов, характеризующихся достаточно глубокой этнической, конфессиональной, культурной и т. д. самоидентификацией. Именно на основе индивидуальной, возникающей в рамках полиэтнокультурной дифференциации, значимости идеологических доминант формируется исходное конфликтогенное пространство векторов оценивания заданных в инфоповоде в качестве пропозиционала событий. Так в преимущественно исламских, но при этом этнически дифференцированных на две лингвокультурные общности (по признаку языковой идентификации — карачаево-балкарская и кабардино-черкесская общности). Достаточно толерантное отношение, основанное на сохранении некоторой частью сообщества политеизма и более мягкое направление ислама, равно как и языковая идентификация в кыпчакской группе тюркоязычного сообщества карачаево-балкарцев входит в противоречие с кабардино-черкесской языковой самоидентификацией абхазо-адыгской семьи и конфессиональной идентификацией на основе сунитского направления ханафитского мазхаба, что приводит к исходной конфликтогенности сетевого дискурса. При этом историческая память насильственного территориального объединения выступает в качестве дополнительного фактора конфликтогенеза. Следует указать, что наиболее эффективным фактором гармонизации выступает политико-историческая идеологема ДЕПОРТАЦИЯ, маркирующая на первый взгляд дерогативное

пространство концептуально-валёрной системы, но проявляющая синтонные характеристики в рамках единства переживания и интенции к созданию общего вектора оценивания инфоповода [Айбазова 2024: 189].

Четкая этноконфессиональная и языковая стратификация в самоидентификационном пространстве приводит к росту значимости религиогема в конфликтивизации провокативного сетевого дискурса в регионах, характеризующихся максимальной фронтальностью (Ставропольский край). При этом доминирование социальных и политико-экономических доминант (ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО, РОССИЙСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ С ЕЁ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬЮ, СВОЙ ПУТЬ) достаточно четко переводит внутренние мотивационные значимости в плоскость общего единения в противодействии классу «чужих», к которым причисляются мигранты. На основе этого возникают синтонные области вербализации цивилизационного и поликультурного характера. Некий общий когнитивный и психоэмоциональный актив обеспечивает единый вектор топикализации всего онлайн-сообщества в гипертексте обсуждения инфоповода [Бредихин, Серебряков, Манаенко 2024:195].

Таким образом, можно заключить, что в провокативном сетевом дискурсе локальных поликультурно и этноконфессионально стратифицированных сообществ в качестве синтонов наибольшую эффективность демонстрируют социально-политические идеологемы, маркирующие единый цивилизационный путь, а также локально детерминированные идеологемы советского периода, служащие маркером единения дифференциальных сообществ в рамках противодействия системе.

Литература

Айбазова А.М. Традиционные духовные ценности как глокальная основа интерпретации аксиологических концептов в кинодискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 183–194.

Бредихин С.Н., Каменский М.В., Шибкова О.С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111.

Бредихин С.Н., Серебряков А.А., Манаенко Г.Н. Моделирование перехода частных пертинентностей в коллективную релевантность в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 2. С. 189–199.

Alefirenko N.F. Language imagery: discursive and modus creative // Research Result.

Наталья Юрьевна Симоненко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

(Волгоград, Россия)

ИДЕОЛОГЕМЫ В КИТАЙСКИХ НАРРАТИВНЫХ ПЕСНЯХ XX ВЕКА КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНЫХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ

Высококонтекстная китайская культура, сформированная предшествующими веками, накладывает определённые правила поведения и общения, как письменного, так и устного, на китайском языке. При этом меняющаяся историко-культурная и экономико-политическая ситуация в стране обогащает язык новыми терминами, но вводит их в него по уже закреплённым в языке правилам, то есть с довольно обширным пластом информации, которая подразумевается и должна быть известна всем сторонам коммуникации для адекватного общения. В годы революции в Китае сформировался богатый словарь слов и словосочетаний, которые отражали реалии китайского общества, борющегося с феодализмом и противостоящего империализму. Так как песня была выбрана Коммунистической партией Китая в качестве инструмента воздействия на китайский народ и его объединения вокруг идеи революции и преобразований, большинство новых революционных идеологем входили в нарративные песни Китая XX века. Изучение таких песен сегодня позволяет проследить процесс отражения исторических событий в песенном творчестве Китая XX века, выявить идеологемы, содержащие пресуппозитивные компоненты, раскрыть явные и скрытые мотивы употребления тех или иных словосочетаний, а также в динамике отметить изменения в употребляемых в песнях «терминах» в зависимости от типа и этапа революции в Китае.

Культурные пресуппозиции как особые коды, имплицитно включённые в текст, могут быть рассмотрены в диахроническом аспекте на примере песни «Мы идём большой дорогой» (《我们走在大路上》). Так, наиболее ярким примером является раскрытие идей революции на трёх её этапах. Во время «Большого скачка» они звучали как «Наша революционная буря известна по всему миру, // Все мерзавцы в панике, все до единого» (“我们的歌声传四方, // 革命风暴席卷全球, // 牛鬼蛇神一片惊慌”). Во времена Культурной

революции эти строки заменили на «Наша революционная буря известна всему миру, // А американский империализм и советский ревизионизм, несомненно, будут уничтожены». (“我们的歌声传四方, // 革命风暴席卷全球, // 美帝苏修一定灭亡”。)。)。 Но уже в более позднем варианте, когда председатель Мао Цзэдун умер и Дэн Сяопин начал разворот политического курса Китая в сторону политики реформ и открытости, вместо этих слов появились следующие: «Друзья наши по всему миру, // Мосты дружбы подведены ко всем пяти континентам» (“我们的歌声传四方, // 我们的朋友遍及全球, // 五洲架起友谊桥梁”。)。)。

Описание идеологом нарративных песен раскрывает особенности меняющейся конъюнктуры в политических взглядах китайского правительства и расширяет знания о культуре Китая прошлого века, объясняя многие реалии наших дней.

Мария Александровна Горячева

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ С СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Сфера СМИ по своей важности для сохранения и развития языков сопоставима лишь со сферой образования и требует пристального внимания. В статье [Горячева 2022] была проанализирована динамика функционирования русского языка и республиканских государственных языков Российской Федерации в сфере периодической печати 1970–2021 годов. Это позволило провести периодизацию и выявить основные тенденции развития государственных языков республик РФ в данной коммуникативной сфере, а также наметить возможную динамику ее развития. Карельский же язык по ряду причин требует особого подхода. Это объясняется, прежде всего, историей формирования литературного карельского языка, а также рядом лингвистических и экстралингвистических, в том числе юридических и геополитических причин. Основные из них кратко рассматриваются в докладе, в контексте изучаемой темы. Помимо прерванной письменной традиции и сильного диалектного членения, на функционирование карельского языка повлиял и такой фактор, как тип

графической основы письменности. Карельский язык является языком «с официальным» статусом, не являясь республиканским государственным: в этом случае на него не распространяется требование федерального закона об использовании кириллицы в государственных языках народов России и не создается прецедент. Были в истории республики и период «финнизации», и разработка варианта письменности на кириллической графической основе. Всё это в той или иной степени нашло отражение в сфере периодической печати.

Временной диапазон исследования достаточно широк: с 1931 по 2023 годы. В 1931 году, 24 февраля, был издан первый номер карельской газеты «Kolhozojn puoleh» («За колхозы»). В настоящее время в газетах выходят материалы на северном и ливвиковском диалектах, общественные организации и языковые активисты развивают функционирование карельского языка на людиковском наречии. В условиях, когда русский язык полностью удовлетворяет все коммуникативные потребности карел, изучение и реальное применение в различных коммуникативных сферах этнического языка мотивируется в основном идеологическими факторами. Дискуссии о путях развития карельской письменности продолжаются.

Используемый при подготовке доклада материал достаточно широк. Прежде всего, это статистические сведения: газетная и журнальная печатная продукция анализировалась на основе выпусков статистических сборников «Печать СССР» и «Печать Российской Федерации», а также ряда других ежегодных статистических сборников и бюллетеней. Для выявления специфики динамики функционирования карельского языка подсчеты на основе этих данных сопоставляются с общей ситуацией в сфере периодической печати. При работе над статистикой привлекались также лингводемографические данные, законы и подзаконные акты в различных сферах жизни страны (социальной, экономической, политической), результаты опросов ВЦИОМа и отраслевые доклады Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Также были использованы результаты исследований и анкетирований, проведенных социолингвистами в Республике Карелия.

Литература

Горячева М.А. Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970–2021) [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 45–70. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-45-70

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

LANGUAGE DEVELOPMENT IN RUSSIA AND THE WORLD: HISTORY AND MODERNITY

Галина Александровна Дырхеева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(Улан-Удэ, Россия)

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как известно, любая идеология – это объединительная и мобилизующая идея. В разные исторические периоды в различных обществах, государствах разрабатывались и формировались определенные идеи, системы идей, идеалов с целью определенного воздействия на сознание людей, их поведение, на регуляцию общественного сознания. Очевидно, что и формулирование идей и, соответственно, достижение их воздействия на общество невозможно без языка, основного средства коммуникации. Язык является, с одной стороны, наиболее эффективным средством политико-идеологической борьбы, орудием пропаганды, с другой, его структура, особенно лексико-стилистический уровень, находится под сильнейшим влиянием процессов, происходящих в политической, социальной и культурной жизни носителей языка.

В докладе освещены некоторые этапы в истории развития бурятского языка, в которых наиболее ярко отразилось влияние идеологических идей и принципов. Рассматриваются плюсы и минусы наиболее подробно описанного в отечественном языкознании процесса латинизации и кириллизации письменности периода 1920-1930-х годов как части сложного культурно-политического процесса, фундаментальной основы культурно-исторической модернизации общества, проводимого под эгидой новых социальных установок на единый советский народ, его сплоченность и равенство.

Период после распада СССР и краха коммунистической идеологии в Бурятии ознаменовался развитием деидеологических процессов. Одной из актуальнейших проблем данного периода оказалась критическая ситуация с состоянием бурятского языка, активным развитием бурятско-русского двуязычия. Обсуждение этой проблемы вывело ряд авторов на выводы о том, что трагедия бурятского народа в том, что у нас в этом вопросе несколько истин и, к сожалению, горькая истина – ассимиляция бурятского народа продолжается. Для

национальной же самоидентификации нужен структурообразующий элемент. В частности, было предложено выбрать родной бурятский язык в качестве национальной идеологемы.

Современная же идеологическая панорама чрезвычайно сложна, многообразна, многогранна. Относительно языков можно отметить, что, в основном, в мире сталкиваются идеологии глобализма и национализма. Современная идеологическая направленность Российской Федерации на возрождение национальной культуры, традиций, религии, патриотизма, нашла поддержку и в Бурятии. Однако высокий уровень владения бурятами русским языком, предпочтение его использования во многих сферах жизни говорит об ориентации на ценности и смыслы современного русскоязычного общества, что, в частности, подтверждается результатами проведенного ассоциативного эксперимента. Одним из параметров анализа явился лингвокультурный концепт «РОДИНА», в идеологической сущности которого отражено представление общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве. Анализ показал, что буряты сохраняют этнонимичность концепта: современное осмысление понятия ЭХЭ ОРОН 'родина', как и у других народов, у бурят на родном языке начинается с родной земли, ближних, домочадцев. Затем ощущение родственной близости распространяется на родной край, страну, соотечественников. Русскоязычное понимание РОДИНЫ в основном соответствует образу родины носителей русского языка, причем более всего оно соответствует представлениям об отчизне и государстве. Интересно, что в отличие от ассоциатов в Русском ассоциативном словаре и в бурятоязычном словаре в русскоязычное ассоциативное поле вошли идеологические компоненты: гражданство, патриот, патриотизм, долг, честь.

Ма Лина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»

НА ЯЗЫКОВУЮ ПОЛИТИКУ РФ И КНР

Концепция «единства в многообразии», предложенная В.А. Тишковым в России и Фэй Сяотунем в Китае, стала фундаментальной идеей для формирования языковой политики в обоих государствах. Эта концепция предполагает гармоничное сосуществование этнического и культурного многообразия в рамках единого национального пространства, что позволяет

укреплять национальную идентичность и единство. С этой целью принят ряд мер по укреплению национального единства:

1. **Языковая политика способствует национальному единству.** В обоих государствах языковая политика направлена на укрепление статуса общегосударственного языка (русского в РФ и путунхуа в КНР), что является ключевым фактором поддержания национального единства. Законодательные акты в России и Китае также акцентируют важность общегосударственного языка в официальных институтах, образовании и СМИ.

2. **Поддержка и развитие языков национальных меньшинств.** Концепция «единства в многообразии» включает в себя поддержку и защиту языков национальных меньшинств. В РФ и КНР реализуются меры по сохранению и развитию национальных языков через образовательные программы, культурные инициативы и законодательные гарантии. Эти меры направлены на сохранение культурного наследия и обеспечение права на использование родного языка.

3. **Региональные особенности и вариативность языковой политики.** Концепция «единства в многообразии» позволяет учитывать региональные особенности в языковой политике России и Китая. В РФ региональные языки могут получать статус государственных на уровне республик, что обеспечивает их правовую защиту. В КНР, где наблюдаются значительные региональные различия в языке, правительство также признает необходимость адаптированных подходов к языковой политике в различных регионах, таких как Гонконг, Макао и Тайвань.

4. **Образовательные стратегии.** В рамках концепции «единства в многообразии» обе страны реализуют билингвальные и многоязычные образовательные программы, основанные на модели «русский/путунхуа + язык этнической общности». Этот подход обеспечивает распространение государственного языка, при этом уважая и поддерживая языковое многообразие, что способствует сохранению культурного наследия и интеграции этнических групп в общенациональное пространство.

5. **Различия в подходах к продвижению государственного языка.** В России продвижение русского языка осуществляется с большей степенью принуждения, что отражается в строгих законодательных мерах. В Китае продвижение путунхуа происходит более гибко, с учетом региональных особенностей и культурных различий. Оба подхода, несмотря на свои различия, направлены на достижение национального единства и укрепление общей идентичности.

Таким образом, концепция «единства в многообразии» оказала значительное влияние

на языковую политику России и Китая, став основой для гармоничного сочетания этнического и культурного разнообразия с национальным единством. Обе страны акцентируют важность государственного языка (русского и путунхуа) как ключевого элемента единства, одновременно поддерживая языки меньшинств через образовательные и культурные программы. Региональные особенности учитываются в гибких подходах к языковой политике, что позволяет адаптировать стратегии к различным культурным и региональным условиям. Хотя Россия и Китай используют разные методы продвижения государственного языка, обе страны стремятся укрепить национальную идентичность и сплоченность.

Литература

Чжао Жунхуэй (2016). Синьшици доюань ити юйянь чжэнцэ дэ бяньхуа юй фачжань - цзиюй гоцзя юйянь вэньцзы гуңцзо гуйхуа дэ вэньбэнь яньцзю [Единство в многообразии: изменения и развитие языковой политики в современном Китае - анализ текстовых документов по государственному языковому планированию] // Юйянь вэньцзы иньюн. № 1. С. 2–9.

Шэнь Хайинь (2015). Чжунго доюань ити юйянь чжэнцэ фачжань гайшу [Краткий обзор «Единства в многообразии» развития языковой политики Китая] // Юньнань Минцзу дасюе сюебао. № 5. С. 44–51.

Евгений Александрович Авдеев, Сергей Михайлович Воробьев

Северо-Кавказский федеральный университет

(Ставрополь, Россия)

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ:

НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА⁹

Роль русского языка как государственного языка и средства межнационального общения в полиэтничных регионах Северного Кавказа основывается на языковой политике РФ. Отношение к русскому языку характеризует языковую связанность / разобщенность в

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

полиэтнических сообществах. При обострении этнополитических отношений язык становится фактором конфликтной мобилизации. Отношение полиэтничной молодежи к русскому языку и культуре является значимым маркером общенационального единства.

Русский язык в советский период сыграл ведущую роль в процессах включения всех народов Северного Кавказа в единое социально-экономическое и культурно-языковое пространство. Сформировалась система «двойной идентичности» – советской и национально-языковой. При распаде СССР произошло крушение социалистической идеологии, скреплявшей народы, и всплеск национализма, приведший к снижению роли русского языка. Доля русских в регионе уменьшается с 42,4% в 1989 г. до 28,1% в 2020 г. Большая их часть проживает на Ставрополье (22,7%) [Национальная политика СССР..., 2022: 197, 214].

Фактором, который может привести к уменьшению роли русского языка, является незначительная доля русского населения в полиэтничных республиках Северного Кавказа. В Северной Осетии – Алании русских – 17,8%, осетин – 64%, в Чечне – 1,2%, чеченцев – 96,4%, в Ингушетии – 0,6%, ингушей – 92,9%, в Карачаево-Черкессии – 27,2%, карачаевцев – 43,8% и черкесов – 12,5%, в Кабардино-Балкарии – 19,3%, кабардинцев – 55,6% и балкарцев – 13,4%. Наиболее сложным является этноязыковой состав Дагестана: русские – 3,2%, аварцы – 30,1%, даргинцы – 16,4%, кумыки – 15,6%, лезгины – 13,1%, лакцы – 5,1% и другие [Всероссийская перепись населения 2020].

В 2024 г. было проведено социологическое исследование оценок полиэтничной молодежи объединяющей роли русского языка и культуры. Было опрошено 1500 студентов региональных вузов. Доля русских респондентов – 47,3%, северокавказских народов – 42,7% других народов – 10%. Измерение оценок проводилось по 5-ти балльной шкале: очень важно – 5 ..., совсем не важно – 1. Несмотря на значительное снижение доли русского населения в регионе, русский язык, согласно оценкам молодежи, по-прежнему сохраняет свою роль государственного языка, средства межнационального общения и фактора, объединяющего все народы региона на платформе общероссийской идентичности (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение оценок респондентов

	Русские	Северокавказские народы	Другие народы	Всего, n=1500
Важны ли для Вас защита...				

Русского языка и культуры	4,30	3,92	3,98	4,11
Объединяет ли Вас с гражданами России...				
Русский язык	4,39	4,04	4,31	4,23
Российская культура	4,35	3,76	4,07	4,07
Как часто Вы ощущаете свою общность с...				
С людьми своей национальности	3,90	3,97	4,01	3,94
Со страной (Россией)	3,99	3,68	3,78	3,84
С людьми, говорящими на русском языке	3,95	3,64	3,85	3,81
С людьми Вашей веры, вероисповедания	3,71	3,92	3,87	3,81

Этноконфессиональная вариативность в оценках обусловлена значением для северокавказской молодежи национальных языков и культур. При этом русский язык и культура являются значимыми объединяющими факторами для абсолютного большинства молодых людей не зависимо от национальности. В связи с внешними нападками на русский язык и культуру, особенно со стороны ряда сопредельных государств (бывших советских республик), респонденты отмечают важность их защиты. Частота ощущения своей общности с людьми, говорящими на русском языке, примерно равнозначна другим основным идентификационным макрогруппам – страна, национальность и вероисповедание. Исследование показало, что снижение доли русского населения не привело к уменьшению роли русского языка и культуры на Северном Кавказе.

Литература

Всероссийская перепись населения 2020. Национальный состав населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/otkritoje-agenstvo/vserossijskaja-perepis-naseleniya-2020/> Дата обращения: 15.07.2024.

Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа (2022) / Е.А. Авдеев, А.В. Аверьянов, С.М. Воробьев [и др.]. Ставрополь. 370 с.

Светлана Викторовна Нагурная

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

(Петрозаводск, Россия)

ОБ ОПЫТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ В КАРЕЛИИ 1936 ГОДА

В докладе будут представлены материалы масштабного социалингвистического обследования карелов, которое было осуществлено сотрудниками Карельского научно-исследовательского института в 1936 году. Это было время крутого поворота в языковой политике в Карелии, когда развернулась антифинская кампания и был взят курс на создание единого карельского литературного языка. Исследование, о котором идет речь, называлось «О практическом исследовании лексики карельского языка», оно осуществлялось в разных уголках Карелии. Сохранилась информация о том, что в апреле 1936 года Герман Лаукканен, работавший в то время в Карельском НИИ, выезжал на места с целью инструктажа добровольных помощников по проведению анкетирования. Обследование проводилось среди разных групп карелов – на севере в Кемском районе, у ливвиков – в Олонецком, Ведлозерском, Сегозерском районах, у тунгудских карелов, а также в местах проживания карелов-людиков (в Виданах). Сбор языкового материала планировалось собрать у четырех категорий информантов разного возраста и социального статуса: деревенского или колхозного активиста, рядового колхозника, дошкольника и у выпускника школы. К материалам исследования (анкете) прилагалась подробная инструкция, в которой, в частности, отмечалось, что при анкетировании необходимо указывать, является ли информант грамотным, владеет ли и в какой мере владеет русским и финским языками, бывал ли в Финляндии и т.д. Таким образом, подробно исследовалась языковая биография, языковое окружение и языковая деятельность представителей каждой категории карелов.

Согласно инструкции, лексику необходимо было собирать у уроженцев конкретного селения. Исключение предполагалось в отношении председателя колхоза, однако и в этом случае предпочтительнее было опросить другого активиста, который являлся местным жителем карельской национальности. Слова следовало записывать в том виде, как они произносятся в данной местности. Рекомендовалось записывать лексику во время соответствующего занятия: когда информант вязал сеть, занимался лесными работами, ткачеством и т.д.

Собиратель лексики должен был в деталях охарактеризовать языковую ситуацию на

данной территории, а именно указать: является ли население одно-или двуязычным, какова доля русско-, карело- и финноговорящих в составе населения, какое количество карелов не понимают русского языка, на каких языках говорят жители соседних селений, привязано ли население к какому-либо экономическому объекту – предприятию, железнодорожной станции, крупному центру, занимаются ли карелы отхожими промыслами.

Анализируемые материалы вводятся в научный оборот впервые и представляют интерес как с точки зрения характеристики общей языковой ситуации, сложившейся в предвоенной Карелии, так и с точки зрения изучения особенностей лексики этого периода.

Ирина Рейевна Такала

(Петрозаводск, Россия)

МОГУТ ЛИ КАРЕЛЫ ГОВОРИТЬ? ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ 1920-1930-Х ГОДОВ

Наиболее активным периодом языкового строительства в СССР были 1920–1930-е гг., когда большевики решали проблемы взаимоотношения власти с населением при помощи культурной революции, массового ликбеза и политики коренизации. Исследователи традиционно выделяют три этапа этого строительства и наиболее продуктивным называют второй, совпавший по времени с годами первой пятилетки, когда предпринимались сосредоточенные меры для развития существовавших письменностей и создания новых для ранее бесписьменных языков, осуществлялся перевод многих национальных языков на латинский алфавит и расширялись их функции.

На этом фоне история карельского языкового планирования представляла собой весьма специфичную картину: в образованной в 1920 г. автономии вторым, наряду с русским, официальным языком стал не карельский, а финский. Это было обусловлено не только диалектной и территориальной разобщённостью карельского языка, но и политическими причинами. По мнению красных финнов, возглавлявших республику первые пятнадцать лет её существования, двуязычие (русский и финский языки) в администрации и образовании должно было сблизить местное карельское население с советской властью и ускорить приобщение карелов к грамоте и культуре. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, такое представление нашло поддержку и среди

руководства советской Карелии. Согласно концепции о едином «карело-финском языке» карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи.

Вначале финский применялся преимущественно среди финнов и северных карелов, говорящих на собственно-карельском диалекте. Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и людиков, карелов южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х гг. начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка: к 1929/30 учебному году лишь половина всех школ республики работала на русском языке, в шести приграничных национальных районах не было ни одной русскоязычной школы.

1930–1932 гг. можно назвать периодом форсированной финнизации, когда был осуществлён отказ от принципа свободы выбора языка для карелов и финский утверждался как единственный письменный и литературный язык. Резкому повороту в языковой политике во многом содействовала полемика, вспыхнувшая между Советом Национальностей ЦИК СССР и республиканским руководством относительно целесообразности разработки карельской письменности. В прессе разгорается «языковая война», активным борцом за право карелов на родной язык был ученик Н. Я. Марра профессор Д. В. Бубрих. Требования введения карельской письменности были всё же отклонены, поскольку в поддержку республиканских властей выступил высший партийный орган – Политбюро ЦК ВКП(б). Надо полагать, что массовая подготовка в Карелии финноязычных кадров отвечала стратегическим планам сталинского руководства.

С изменением политической обстановки «карело-финский проект» терял своё значение для Москвы. В 1933 г. в республике вернулись к принципу выбора карелами языка обучения. В 1935 г. правительство красных финнов было смещено и затем репрессировано, одновременно ударными темпами начинает создаваться карельский литературный язык. В 1937 г. финский язык, как и по всей стране, был запрещён. Однако политика ускоренного введения в республике карельской письменности потерпела крах, политическая обстановка вновь изменилась и весной 1940 г. финскому языку был возвращён статус государственного в созданной после Зимней войны Карело-Финской ССР.

В целом языковая политика красных финнов способствовала быстрому росту грамотности среди карельского населения и расцвету национальной культуры. С широким внедрением финского языка во все сферы жизни складывались предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции и предотвращалось безудержное проникновение в лексику русских заимствований. Объективно эта политика

способствовала консолидации карелов автономной республики в целостную этническую общность. Однако при этом практически отрицался иной, противный движению к финскому языку, способ решения языкового вопроса.

Ольга Борисовна Януш

Казанский государственный энергетический университет

(Казань, Россия)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН КАК СФЕРА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ РОССИИ¹⁰

В 2022 году Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина опубликовал результаты исследования, посвященного сопоставлению русского языка с 11 другими наиболее конкурентоспособными языками мира [Индекс 2022]. Сочетание невысоких позиций по численности говорящих и численности пользователей Интернета и сильных позиций позволило отнести русский язык к так называемым «неровным языкам».

Ключевое положение в пространстве русского языка занимает Российская Федерация. Благополучие русского языка в пределах границ России определяет внешнеполитические устремления, направленные на «разворачивание» русского культурного кода вовне и упрочение его позиций, прежде всего, в странах ближнего зарубежья. Положение русского языка на постсоветском пространстве всегда входило и входит в зону пристального внимания российских властей.

На смену этапу суверенизации постсоветских республик, сопровождавшемуся стремлением к дерусификации, символически означавшей отсечение от влияния России, и «мобилизованным лингвицизмом», благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных языков, пришло заметное возрастание востребованности русского языка в странах СНГ.

В СНГ 2023 год был объявлен Годом русского языка как языка межнационального

¹⁰ Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

общения. 3 октября 2023 г. страны СНГ подписали договор о создании Международной организации по русскому языку (МОЯ). Следует отметить институциональную насыщенность многостороннего диалога на русском языке в рамках таких форматов, как структурные органы Содружества независимых государств, Союза Белоруссии и России, Организации договора коллективной безопасности, Евразийского экономического союза. Разноскоростное, разновеликое по глубине и нелинейное по своей сути развитие сотрудничества в рамках постсоветских институтов интеграции способствовало обретению русским языком статуса инструмента экономического, культурного, военно-политического и гуманитарного взаимодействия [Егоров, Штоль 2017].

Постсоветское пространство идет по пути субрегиональной диверсификации [Торкунов 2019: 138; Рекеда 2024], происходит его регионализация. Можно констатировать, что оно состоит из трех субрегиональных компонентов: центральноазиатский регион, Закавказье и восточноевропейский компонент.

Русский язык в центральноазиатском регионе распространен неравномерно. Наблюдается общая корреляция между масштабами распространения русского языка и численностью этнических русских. В Центральной Азии существуют сферы влияния, накладывающиеся друг на друга. Помимо российской сферы лингвистического и культурного влияния, доминирующего военно-политического влияния России через ОДКБ, общей китайско-российской антитеррористической сферы влияния, воплощенной в ШОС [Фриман 2023: 8–36], действуют внерегиональные игроки, у которых имеются отдельные интересы и свои устойчивые форматы на постсоветском пространстве. К примеру, формирующаяся экономическая сфера влияния Китая сочетается с наращиванием присутствия китайского языка в образовательных системах ЦАР. С целью создания сильной коалиции в Евразии, объединенной общим культурным, историческим и языковым фоном, Турция продвигает пантюркистскую идеологию.

Положение русского языка в нынешней системе координат, контуры его пространства, очерчиваемого не только географическими границами, но и нагруженного определенными содержанием и смыслами, возможные конфигурации и структуры такого пространства зависят от исторических, идеологических, культурных контекстов и меняющейся среды международных отношений.

Литература

Егоров В., Штоль В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. 2017. № 12.

Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 2 / сост. А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева, И.А. Маев, А.И. Ольховская, М.А. Осадчий, М.Н. Русецкая, А.С. Хехтель; под ред. М.А. Осадчего. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. 60 с.

Рекеда Д. Страны, которые уже не вместе? 26.02.2024 // <https://globalaffairs.ru/articles/strany-uzhe-ne-vmeste/> (дата обращения: 15.03.2024).

Торкунов А.В. Институциональные форматы постсоветской интеграции // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 138 (С. 138–146).

Фриман Ч. О сферах влияния // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. № 6. С. 8–36.

Елена Алексеевна Кондрашкина

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ В 20-30-Х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

Марийская автономная область была образована в ноябре 1920 года декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР. Но исторически сложилось так, что почти половина марийцев оказалась разбросана за пределами автономии. Восточные и северо-западные марийцы не вошли в состав автономии. Марийские районы с избранными сельсоветами функционировали в Башкирской АССР, в Вятской, Екатеринбургской и ряде других губерний.

20-30-е годы прошлого века принято называть годами языкового строительства. Это было время, когда после революции и свержения самодержавия особое внимание уделялось функциональному развитию языков народов, населяющих страну, созданию письменности для бесписьменных языков, ликвидации неграмотности и введению изучения языков в систему школьного образования. Для Марийской Республики, у которой на тот момент уже

была письменность, основанная на кириллице, эти годы отмечены как годы «коренизации», т.е. выдвижения, подготовки и использования национальных кадров для работы как в хозяйственных, так и в культурных государственных и республиканских учреждениях. При этом, «коренизация» предполагалась для всей культурно-просветительной сети – издание и разработка учебников и учебных программ, подготовка учителей с тем, чтобы они могли преподавать национальный язык, национальную литературу, историю культуры и национальную политику.

Важную роль сыграло открытие в 1924 году Центрального издательства (Центриздата), в котором была образована секция для издания литературы на марийском языке. За пять лет работы (с 1924 по 1929 гг.) было выпущено 150 названий, 570 печатных листов, т.е. приблизительно 75% всей литературы, изданной на марийском языке к тому времени [Михайлов 2018: 77].

Одним из главных вопросов в эти годы было отсутствие программ для школы. Уже к 1920 г. выявляется острая необходимость в учебных программах и учебниках для организованного ведения учебного процесса [Михайлов 2018: 77]. Поэтому изданию учебников уделялось особое внимание. Во-первых, в те годы учебник нередко был единственным печатным средством в школе, во-вторых, с учебником связывалось возрождение народов и проведение культурной революции. Поэтому развитие книгопечатания в стране находилось под пристальным вниманием партийных органов. В Центриздате была создана секция для выпуска литературы на марийском языке. За период с 1924 года по 1929 год было издано 150 названий, 570 печатных листов, что составляло приблизительно 75% всей изданной за это время литературы на марийском языке. Из этого количества около 30% названий составляла оригинальная литература, остальная – переводы с русского языка [Михайлов 2018: 77]. В эти же годы началось издание учебных программ по отдельным предметам школьного курса, которые должны были ориентировать учащихся на самостоятельное изучение этих предметов, а учитель выступал в роли консультанта. Трудности заключались в недостатке квалифицированных кадров и малой материальной базы, не было соответствующей обеспеченности школьников учебно-письменными принадлежностями, а педагогов научно-методическими разработками. В основном все работы проводились по инициативе самих учителей и только в 1924 году была создана программа под названием «Программа по марийскому языку с указанием материалов и методическими замечаниями о преподавании его в школе и вне ее», составленная В.М. Васильевым [Апакаев 2011: 9]. Центрами подготовки будущих учителей стали открытые в 20-е годы педагогические

техникумы и Марийский государственный педагогический институт.

Литература

Апакаев П. А. (2011). Развитие народного образования в Марийской автономной области в 20-е годы XX века // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. № 4 (72). Ч. 2. С. 8–12.

Михайлов В. Т. (2018). Концептуальные подходы к формированию содержания образования марийской национальной школы 1920-1930 гг. // Вестник Марийского университета. Vol. 12. № 3. С. 75 -83.

Валентина Алексеевна Кожемякина

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ВЕЛИКОМ ГЕРЦОГСТВЕ ЛЮКСЕМБУРГ

Великое Герцогство Люксембург — небольшое государство, которое граничит на северо-западе с Бельгией, на востоке – с Германией и на юге – с Францией.

В предыдущие века Люксембург часто переходил под власть Испании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Германии. Чтобы уменьшить культурное влияние двух своих великих соседей, Франции и Германии, Люксембург с 1840–х годов разработал политику двуязычия, поощряя использование как французского, так и немецкого языков, и больше не чередуя политику франкизации или политику германизации в зависимости от политических обстоятельств. В Конституции 1848 года было признано официальное двуязычие в стране.

Люксембург является членом Европейского Союза и Организации Североатлантического договора (НАТО). В Люксембурге также расположены штаб-квартиры многих европейских учреждений. В настоящее время Люксембург вместе с Бельгией и Нидерландами образует сообщество Бенилюкса.

Население Великого Герцогства Люксембург на 1 января 2024 года составляло 672 050 жителей [Le STATEC]. Население Люксембурга характеризуется значительным присутствием иностранцев – более 45 % населения имеют иностранное гражданство. По всей стране люксембуржцы по-прежнему составляют большинство – 54, 2 % населения, но в столице они составляют меньшинство.

В Люксембурге три официальных языка: французский, немецкий и люксембургский. Люксембургский признан национальным языком в стране только в 1984 году.

Система образования в Люксембурге является многоязычной: в традиционном базовом образовании используются немецкий, французский и люксембургский языки, ученики также изучают английский язык. В результате к окончанию лицея молодые люксембуржцы знают люксембургский, немецкий, французский и английский языки.

Большинство населения страны (54 %) говорят на люксембургском языке, как на родном. Люксембургский – западногерманский этнолект, который в отличие от других германских языков, имеет непродолжительную письменную традицию, которая началась лишь в 1825 году и в 1850 году была разработана официальная орфография.

Многоязычие закреплено в законе от 24 февраля 1984 г. об использовании языков в стране. Люксембургский язык признан национальным языком, но в законе также определено использование других языков в стране. Законодательные акты и правила их применения составляются на французском языке. В административных и судебных вопросах можно использовать французский, немецкий и люксембургский языки [Loi du 24 février 1984].

Люксембург отличается его языковое разнообразие во всех сферах общения: в повседневной жизни, на политическом уровне, на работе, в школе или в средствах массовой информации. В Люксембурге наиболее часто используемым языком в повседневной жизни является французский, за ним следуют английский, немецкий и люксембургский. Французский язык преобладает в магазинах, супермаркетах, ресторанах и кафе. Однако в частной сфере дома популярен люксембургский язык (на нем говорят 57% населения дома), за ним следуют французский (22%), португальский (22%), немецкий (5%) и английский (5%) [Le STATEC]. В профессиональной среде основным языком общения остается французский. Однако английский язык используется в определенных сферах и международных организациях. Немецкий язык является основным языком печатных СМИ, при этом в прессе активно используются и французский, и люксембургский языки.

Люксембург представляет собой уникальную страну многоязычного населения и мирного сосуществования языков.

Литература

Le STATEC – Institut national de la statistique et des études économiques du Grand-Duché de Luxembourg. Available at: <https://statistiques.public.lu/fr/actualites/2024/stn16-population-2024.html>

Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues (1984) // Mémorial. Journal Officiel du Grand-Duché de Luxembourg. Recueil de législation. № 16. P. 196–197. Available at: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo>

Чечек Сергеевна Цыбенова, Валентина Гурожановна Жалсанова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(Улан-Удэ, Россия)

РУССКИЙ ЯЗЫК В МОНГОЛИИ:

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Социалингвистика относится к разделу междисциплинарной лингвистики и тесно связана с социологией, этнологией и другими науками, которые имеют свою теорию, методы и понятийный аппарат. Она тесно связана и с такой наукой, как лингвистическая антропология. Лингвистическая антропология (относительно новое для отечественной гуманитарной науки направление антропологии) изучает историю изменения языков, взаимосвязь языка и культуры, а также то, как язык влияет на социальную жизнь. В связи с тем, что социалингвистика изучает всю совокупность вопросов, связанных с отношением языка и общества, в ее проблематику постепенно вошло и понятие *лингвистической* или *языковой идеологии*. На данный момент в отечественной социалингвистике оно часто соотносится или рассматривается на стыке таких понятий, как языковая политика, языковое строительство, языковое планирование и т.п. Под лингвистической идеологией, вслед за М.М. Раевской, мы понимаем « ... непосредственно наблюдаемые в социальной жизни репрезентации (эксплицитные или имплицитные) концептуальных схем отношения говорящих к своему языку» [Раевская 2014: 148], но с той оговоркой, что лингвистическая идеология может выражать и отношение к другому языку. В этом понимании в настоящем докладе рассматривается русский язык, функционирующий в современной Монголии. В докладе приводятся данные, полученные в ходе комплексного социопсихолингвистического исследования, проведенного с 2021 по 2023 гг. Более детально рассматриваются результаты экспертного опроса и данные открытых вопросов, направленных на выявление социальных представлений носителей монгольского языка по отношению к русскому языку, к российскому образованию и к России в целом.

Литература

Раевская М.М. Лингвистическая идеология как реалия современной жизни // Язык как экономический и политический фактор международных отношений. Международный симпозиум. Сб. докладов. Отв. ред.: Т.А. Медведева, Т.И. Пигарёва, В.М. Тайар. М.: Изд-во Института Латинской Америки РАН, 2014. 280 с. С. 147-155.

Камилла Искандеровна Курбанова-Ильютко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

СПОСОБЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В РЕГИОНЕ

ВАЛЬ Д'АОСТА В XX–XXI ВВ.

В предлагаемом докладе мы обратимся к анализу некоторых аспектов языковой политики и идеологий в автономном регионе Италии Валь д'Аоста. Режим автономии, как и в других итальянских регионах подобного статуса, связан с проживанием в них этнических меньшинств и зиждется во многом на дву/многоязычии населения региона. Так, в соответствии со статьей 116 Конституции Итальянской Республики, к регионам со специальным статусом относятся следующие административно-территориальные единицы:

Статья 116. Фриули-Венеция-Джулия, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже (Южный Тироль) и Валле-д'Аоста имеют особые формы и условия автономии согласно соответствующим специальным статутам, установленным конституционными законами. <...> [Конституции зарубежных государств 2012: 294–295].

Принципиальным в законодательном отношении является тот факт, что Валь д'Аоста, будучи одним из пяти автономных регионов Италии, пользуется рядом привилегий, в частности, в области языкового планирования. Если государственным языком Итальянской Республики признается только итальянский язык, то в регионе Валь д'Аоста, в силу его специального статуса, провозглашен паритет двух официальных языков — итальянского и французского, который, впрочем, имеет некоторые ограничения согласно статье 38

Специального статута Валь д'Аосты¹¹ от 26 февраля 1948 г.

В предлагаемом докладе мы ставим перед собой задачу, с одной стороны, очертить круг вопросов, связанных с обоснованностью и идеологией выбора официальных языков региона при многоязычии вальдостанцев, с другой стороны, о мерах поддержки, в частности, французского языка, который является вторым языком при родном итальянском для большинства населения [Курбанова-Ильютко 2021].

Первая проблема непосредственно связана с диахронией, резкой сменой языковой политики в регионе и внедрением итальянского языка с момента вхождения Валь д'Аосты в состав Италии в 1861 г. Опираясь на данные о языковой ситуации середины XIX в. [Bauer 2014: 205], середины XX в. [Bauer 2014: 208] и начала XXI в. (лингвистический опрос Фонда им. Э. Шану¹²), мы приходим к констатации языкового сдвига и ухода французского языка из сферы бытового общения большей части жителей Долины Аоста при сохранении позиций франкопровансальского языка до сегодняшнего дня. Важным, на наш взгляд, оказывается, рассмотрение на данном этапе причин провозглашения французского, а не франкопровансальского языка в качестве соофициального итальянскому при оформлении режима автономии в 1948 г.

В нашу вторую задачу входит описание способов возрождения французского языка в Валь д'Аосте в XX–XXI вв., к которым мы относим региональные реформы в области образования в конце XX в. (1983, 1988, 1994, 1996 гг.) [Cavalli 2005], региональную поддержку франкоязычных медиа ресурсов, работу различных лингвистических центров, фондов и ассоциаций, организацию и проведение франкофонных мероприятий, конкурсов, разного рода стажировок и пр., в частности, для молодого поколения вальдостанцев.

В завершение доклада нами будут представлены результаты двух опросов о социальных представлениях (*représentations sociales*) жителей Долины Аоста о французском языке: сравнение данных, полученных группой лингвистов [Cavalli et al. 2003], с нашими собственными анкетированиями вальдостанских франкофонов 2019 и 2023 годов, позволит сделать выводы как об успешности проводимой языковой политики, так и о языковых идеологиях, бытующих в исследуемом регионе.

Литература

¹¹ Statut spécial pour la Vallée d'Aoste / Statuto speciale della Valle d'Aosta. URL: https://www.regione.vda.it/autonomia_istituzioni/lostatuto_f.aspx (дата обращения: 07.09.2024).

¹² Sondage linguistique de la Fondation Émile Chanoux, URL: <https://www.fondchanoux.org/sondage-linguistique/> (дата обращения: 08.09.2024).

Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные штаты Америки, Япония. Сост. сб. Маклаков В.В. М: Инфотропик Медиа, 2012.

Курбанова-Ильютко К.И. К вопросу о статусе французского языка в регионе Валь д'Аоста (Валле д'Аоста): родной или второй? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2, 2021. С. 71–82.

Bauer R. Positions et fonctions du français en Vallée d'Aoste : un aperçu historique // Repenser l'histoire du français. D. Lagorgette (dir.). Chambéry : Univ. de Savoie, 2014.

Cavalli M. Éducation bilingue et plurilinguisme. Le cas du Val d'Aoste. Paris : Didier. 2005.

Cavalli M., Coletta D., Gajo L., Matthey M., Serra C. Langues, bilinguisme et représentations sociales au Val d'Aoste. Aoste: IRRE-VDA. 2005.

Тамерлан Казбекович Салбиев

Центр скифо-аланских исследований Владикавказского научного центра РАН

(Владикавказ, Россия)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО УТВЕРЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ: ОПЫТ КОСТА ХЕТАГУРОВА

На рубеже прошлого и позапрошлого веков, в так называемый пореформенный период, Осетия одновременно с процессом социально-исторической модернизации проходила и через культурно-исторический переворот, который с неизбежностью предполагал выработку общественной идеологии, способной обеспечить связь поколений, устойчивое развитие общества. Сегодня представляется, что ответом на этот вызов стало создание Коста Хетагуровым осетинского литературного языка как средства экспликации и утверждения общественной идеологии на том переломном этапе. Изучение его наследия позволяет заключить, что общественный успех его деятельности был обусловлен тем, что он удивительно глубоко и верно постиг основы осетинского духовного склада, имплицитно отраженного во всех областях этнокультурной традиции. Главное достижение Коста Хетагурова следует видеть в том, что он понял, что духовно-нравственным императивом, связывающим прошлое и будущее, поколение отцов и детей, может стать только идеологема жертвенности.

Именно эта идеологема лежала в основе этнической обрядовой практики осетин, идущей из архаического патриархально родового уклада и связанной с индоевропейским культом героя. Вместе с тем, эту же идеологему он считал основополагающей для христианства, как учения универсального, общечеловеческого и передового. Отсюда его несомненный интерес к евангельским сюжетам, связанным с рождением героя на свет, и пасхой, победой героя над смертью в результате самопожертвования. Знаменательно, что идеологема жертвенности вполне органична для воинского этоса, предполагающего готовность расстаться с жизнью ради общественного блага. Готовность к самопожертвованию обнаруживают и женщины, по отношению к детям, что оказывается напрямую связано с речевым этикетом и находит выражение в колыбельных песнях. Так через жертвенность, выраженную в языке (лексике, фразеологии, стихах), весь социум обретает внутреннюю связь и общность идеологии.

Создаваемый Коста Хетагуровым литературный (геср., книжный) язык, не нуждался в коллективной обрядности, но, напротив, допускал молитвенное состояние индивида, обеспечивающее ему личную связь с Всевышним в любой момент времени. Доступность же книг делала эту идеологию всеобщей при условии владения книжной грамотой. Тем самым в условиях двуязычия он перебрасывал и надежный мост, соединяющий осетинскую и духовную русскую культуру, которая была для него неразрывно связана с христианством.

Ольга Николаевна Сысолятина

Вятский государственный университет

(Киров, Россия)

ЦЕННОСТНЫЕ ЛЕКСЕМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА ГРЕКОВ

Основное население современной Греции составляют этнические греки (более 90 %). В то же время эта небольшая страна является мультикультурной, т. к. на ее территории проживают народы, представляющие различные культурные меньшинства (понтийские греки, македонцы, албанцы, сербы, болгары, евреи и др.). Многие страны, занимающие малые территории и имеющие небольшую численность населения, нередко занимают позицию этноцентризма, когда «собственная группа является центром всего, а все остальные измеряются и оцениваются лишь с этой позиции» [Стадников 2006: 57]. В условиях

мультикультурного общества у представителей доминирующего этнического большинства невольно происходит оценивание мышления и поведения представителей других национальностей сквозь призму собственных этнокультурных ценностей и понятий.

Важной задачей любого народа является сохранение собственной этнокультурной идентичности. Одним из эффективных способов решения данной задачи является сохранение в языке лексем, которые стали результатом длительных нравственно-ценностных практик в повседневной жизни народа. Анализ ценностных лексем позволяет более глубоко понять этнокультурную сущность народа, его менталитет, национальный характер, а также объяснить специфику норм межличностного взаимодействия в процессе межкультурной коммуникации.

У разных народов существует различное восприятие и понимание схожих культурных реалий. Во многих случаях перевод лексем с исходного языка на язык перевода осложняется отсутствием эквивалентных лексических единиц. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров под безэквивалентной лексикой понимают «...слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам» [Верещагин, Костомаров 1974: 125]. Причиной безэквивалентности лексических единиц является отсутствие в практическом опыте носителя языка перевода предметов или явлений, а, следовательно, и понятий, обозначенных этими словами.

В современном греческом языке встречаются лексемы, отражающие этнокультурные ценности и особенности менталитета греческого народа. Рассмотрим некоторые из них.

«*Φιλότης*» — это лексема, которая в точности не переводится ни на один язык мира. Это наивысшая добродетель, которая включает в себя целый комплекс ценностных понятий: чувство собственного достоинства, человечность, честь, щедрость, гостеприимство. Данная лексема является категорией греческого национального мировосприятия, характеризует стремление помогать ближнему, связь между людьми на семейном, дружеском и общественном уровнях.

Лексема «*Κέφι*» выражает отношение греков к жизни, особое приятное состояние, желание наслаждаться жизнью — веселиться, проводить время с друзьями, вкусно кушать, погрузиться в увлекательную деятельность. Заботливый греческий родитель может сказать своему ребёнку «*Κάνω όλο το κέφι σου*», что в переводе на русский язык означает «Делаю для тебя всё что захочешь».

Невозможно представить греческую реальность без «*Παρέα*», поскольку греки необыкновенно общительные и социальные люди. Они не любят одиночества и пытаются как можно быстрее найти компанию. Греки чувствуют себя неловко, если позволили гостю

остаться одному. Даже развлекательная программа на греческом телевидении называется «*Με την παρέα μου*» («Вместе с моей компанией»).

Таким образом, ценностные лексемы выступают хранителями этнокультурной идентичности греческого народа, выражают его загадочную душу, аутентичную и самобытную. Компетентная интерпретация ценностных лексем в процессе межкультурного взаимодействия способствует достижению адекватного взаимопонимания представителей разных национальных культур.

Литература

Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1974. 216 с.

Стадников М. Г. Психология этноцентризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 2. 2006. С. 55–67.

Надежда Станиславовна Братчикова

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

РЕЧЕВОЙ ИМИДЖ ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДИИ А. СТУББА:

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Материалом исследования являются пять текстов официальных выступлений президента Финляндии А. Стубба, которые представляют серьезный материал для изучения вербального поведения политика, его умения общаться с широкой аудиторией. Цель исследования: выявить основные черты речевого имиджа политического лидера страны. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: провести анализ когнитивно-стилистических особенностей политических выступлений Стубба, охарактеризовать их композиционно-смысловую структуру, лексические выразительные средства. Задействовались совокупность методов исследования, а именно метод дискурсивного анализа, семантико-стилистический метод, метод рассмотрения языковых средств в пределах данного текста; метод и приемы контекстного анализа.

Учитывая огромный опыт внешнеполитической деятельности Тринадцатого президента Республики Финляндии, стоит отметить его самообладание перед большой аудиторией, телевизионными камерами и микрофоном. Стубб общается с аудиторией, не читая заранее подготовленный текст, а имитирует формат живого, непосредственного общения. Такие встречи напоминают беседы перед камином, которые проводил бывший президент С. Нийнистё, разговаривая с воображаемой аудиторией в спокойном, тихом, доверительном тоне. Действующий президент страны демонстрирует умение выступать публично, выражать мысли четко и логично. Однако обращает на себя внимание некая сдержанность, дистанцированность оратора от аудитории, что можно объяснить небольшим, менее полугода, опытом президентства. Если выступления Нийнистё носили некий отеческий характер, создавали ощущение диалога опытного представителя старшего поколения с населением страны, то общение Стубба – это скорее всего разговор молодого поколения политиков, меняющих старые стереотипы и представления о высших представителях власти (например, встречи без галстуков, свободное владение несколькими иностранными языками, откровенные признания отсутствия определенных умений, в частности, неумение играть на музыкальных инструментах, подчеркивание личной симпатии к королевской семье Швеции).

Одним из ключевых моментов речей и выступлений Стубба является их логичность и продуманность. Он старается излагать свою точку зрения убедительно, часто ссылаясь на опыт предыдущих коллег, например, Десятого президента Финляндии, лауреата Нобелевской премии мира (2008) М. Ахтисаари.

Одна из характерных особенностей речи президента – большое количество эпитетов и метафор, которые придают выступлениям наглядность и образность: *Teknologian kehitys on osoittanut synkemmän puolensa*: «Развитие технологий показало свою темную сторону». К числу основных синтаксических особенностей выступлений Стубба относится стремление приблизить собственный стиль изложения к публицистическому стилю речи, то есть ориентация на массового слушателя. Президент отдает предпочтение простым коротким высказываниям и небольшим сложным предложениям (сложносочиненным и сложноподчиненным), часто употребляет личное местоимение *me* «мы»: *Afrikassa olemme saaneet todistaa useita vallankaappauksia ja konflikteja, jotka aiheuttavat valtavaa inhimillistä kärsimystä* - «В Африке мы стали свидетелями нескольких переворотов и конфликтов, причинивших огромные человеческие страдания» [Stubb,24]. Выступления характеризуются высокой частотностью употребления притяжательных местоимений: *Samalla panostamme sekä omaan kansalliseen turvallisuuteemme että liittolaistemme turvallisuuteen*: «В то же время мы

инвестируем ресурсы как в нашу собственную национальную безопасность, так и в безопасность наших союзников» [Stubb, 2024]. В политических речах Стубба фиксируется культурологически маркированная лексика. Анализ политических выступлений финского руководителя выявил наличие в них языковых средств рационального убеждения и эмоционального воздействия. Для стиля речей Стубба характерна коммуникативная аттрактивность, позволяющая сформировать позитивный взгляд на мир.

Литература

Stubb A. (2024). Tasavallan presidentti Alexander Stubbin puhe diplomaattipäivällisillä Presidentinlinnassa 16.5.2024. Режим доступа: <https://www.presidentti.fi/tasavallan-presidentti-alexander-stubbin-puhe-diplomaattipaivallisilla-presidentinlinnassa-16-5-2024/> Дата обращения 06.07.2024.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
СЕВЕРНОГО ГОРОДА»

Нина Иннокентьевна Иванова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Россия)*

**КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК И ЯЗЫКОВЫХ
ИДЕОЛОГИЙ САХА И РУССКИХ (К КАТЕГОРИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ)¹³**

Концептуализация языковых идеологий на сопоставительном региональном материале актуальна для обоснования интеракции в полиэтнических обществах, в том числе в контексте лингвистической прогностики. Кросс-культурное исследование посвящено попытке систематизировать существующие убеждения, мотивы в языковых практиках саха и русских, проживающих в г. Якутске с целью установления исследовательской модели языковых идеологий. В связи с этим стоят задачи произвести отбор наиболее релевантных переменных, отражающих ценности этнических общностей в сфере языковой идентичности, функционирования языков, национально-языковых отношений, формирующих языковые идеологии. Языковые идеологии представляют собой набор общих убеждений и установок по отношению к конкретным языкам [Spolsky 2009], установившиеся традиции отношения к своему языку и предпочтения в применении своего или чужого языка в тех или иных ситуациях общения, в тех или иных дискурсах [Daily-O’Cain 2013], содержащих подсознательные предположения о социальной полезности того или иного языка в данном обществе [Schiffman 2006]. Они могут устанавливаться на уровне индивида, малой группы, коллектива, этнической общности.

Многокомпонентность заданного эмпирического поля предполагает вариативность этнокультурных компонентов, релевантных при кросс-культурном анализе языковых идеологий в условиях активных языковых контактов, характеризующихся экзогlossenностью,

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта «Этноязыковое самочувствие русской этнической общности в Республике Саха (Якутия)» Российским научным фондом по направлению «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (2024–2025 гг.).

гетерогенностью, неравновесностью, несбалансированностью. Предлагаемый интегрированный этносоциопсихолингвистический подход позволяет синтезировать взаимно обусловленные, достаточно чувствительные индикаторы. Данный метод триангуляции сочетает в себе выявление количественных характеристик, устанавливаемых на макросоциолингвистическом уровне, и качественных признаков на микросоциолингвистическом уровне, необходимых для интерпретации статистики. Так, национально-языковые отношения можем измерить как в количественных показателях (например, число желающих изучить неэтнические языки в процентном выражении от общего количества респондентов), так и в качественных, для чего интерпретируется психолингвистический атрибут — ассоциативное поле на слово-реакцию, например, «русский язык», «якутский язык». Содержание ассоциативного поля позволяет установить характер смысловой или эмоциональной коннотации, в свою очередь ядерные и периферийные характеристики ассоциативного поля, их коннотации направляют исследовательскую мысль на поиск социальных, этнических, культурных, исторических, психологических факторов, обуславливающих восприятие тех или иных языков, на установление их взаимосвязи.

Применение данного подхода позволило установить наличие достаточно выразительных социокультурных ресурсов для взаимного уважительного отношения к языку другого этноса, обусловленных потребностью их носителей. Языковое сосуществование саха и русских подразумевает использование позитивных, положительно направленных моделей, способствующих социальному контакту. В целом, выбранные нами параметры для характеристики языковых идеологий репрезентируют объект исследования. Перспективные исследования связываются с формированием целостного понятия «языковые идеологии», для чего необходимо установить более глубинные ментальные качества объекта исследования.

Литература

Daily-O'Cain, J. The use and the discursive functions of English in native-language online conversation among Dutch and German youth // *Sociolinguistics: Intern yearbook of European sociolinguistics*. B.; Boston, 2013. Vol. 27. Pp. 146–166.

Schiffman H. 2006. Language policy and linguistic culture // Ricento T. (ed.) *An introduction to language policy: Theory and method*. Oxford: Blackwell, P. 111–125.

Spolsky B. 2009. *Language Management*. Cambridge: Cambridge University Press. 309 pp.

Ирена Семеновна Хохолова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

(Якутск, Россия)

Виктория Викторовна Филиппова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

(Якутск, Россия)

ЯЗЫК ЛАНДШАФТА: ЯЗЫКОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Урбанонимы служат языком ландшафта, наглядно показывающим языковую ситуацию изучаемой местности, а тем самым, функционирование языков. Проведено исследование, включающее лингвосемантический анализ более пятисот топонимических примеров, раскрывающих язык топонимических систем российских северных городов.

Впервые с использованием ГИС-технологий эмпирически показана пространственная семантика городского текста на примере городов Якутск и Мирный. Коммуникативная мощь русского языка в символическом пространстве северных городов представлена как доминирующая. Большинство урбанонимов северных городов советского периода преимущественно наименовано в честь персоналий, сыгравших роль в развитии советской и российской политики, культуры, искусства и науки, событий, связанных с советским народом, где советскость «стирает» этнические принадлежности многонациональной страны. После распада СССР с середины 1990-х гг. в г. Якутск функционирование якутского языка, как второго государственного языка начинает отражаться в урбанонимах, представляющих аборигенную культуру. На составленных картах видно, что центр города Якутска по-прежнему отмечен русскими и советскими топонимами, как продолжение доминирования русского языка, функционирующего во всех сферах жизни. Якутский язык начинает «конкурировать», прорастая в периферии города, как маркер национальной идентичности, «выросшей» за счет урбанизации. Основную специфику в символическом пространстве промышленного города Мирного, с неизменным функционированием мажоритарного языка, представляют урбанонимы, посвященные профессиям, посвятившим себя покорению тайги, строительству дорог, открытию недр, становлению промышленности в СССР, а также персоналиям в большей части советского периода, поскольку именно этот период (1954-1955 гг.) характеризуется открытием крупных месторождений алмазов (среди которых – трубка Мир) и основанием самого города (1959 г.). Решающим моментом в построении многомерного городского текста является сочетание взаимосвязанных политически мотивированных

пространственных процессов, которые включают политические идеологии, в том числе и языковые идеологии, маркеры этнической идентичности и некоторые элементы “неолиберальной” топонимической коммодификации.

Полученные результаты не только способствуют глубокому пониманию лингвокультурных особенностей урбанонимов в северных городах, но и расширяют знания о взаимосвязи между языком, культурой и городским пространством. Исследование важно для планирования и разработки городских топонимов, сохранения языкового и культурного наследия и формирования городской идентичности. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в различных областях гуманитарных знаний, включая лингвистику, социолингвистику, культурологию, географию.

Литература

Басик С.Н. (2008). Общая топонимика. Минск: БГУ. 17 с.

Биткеева А.Н., Моника Вингендер (2020). Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 1. С. 34–53. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53 Дата обращения: 04.08.2024.

Голомидова М.В. (1995). Урбанонимы в контексте культуры современного города / М. В. Голомидова // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург: [УрГУ]. С. 76-86. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36099/1/ez_nii_rc-1995-08.pdf Дата обращения: 04.08.2024.

Нурутдинова Н.Р., Ханова А.Ф., Мустафина Д.Н. (2022). Языковой активизм и языковые идеологии в региональных социальных сетях [Электронный ресурс]. Социолингвистика. № 1(9). С. 80–99 (На русск.) DOI:10.37892/2713–2951-1-9-80-99 Дата обращения: 04.08.2024.

Опарина Е.О. (2017). Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языка в современных условиях // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты.

Поспелов Е.М. (2008). Географические названия России. Топонимический словарь. М.: Астрель, АСТ. 523 с. ISBN 978-5-17-054966-5.

Прокопьев В.П. (2002). Происхождение наименований улиц и площадей г. Якутска. Якутск: Издательство СО РАН, Якутский филиал. С. 126-144.